

На правах рукописи

Ратушняк Олег Валерьевич

**КАЗАЧЬЕ ЗАРУБЕЖЬЕ КАК СОЦИАЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ
ФЕНОМЕН: ОБРАЗОВАНИЕ, СТРУКТУРА, ПРОБЛЕМЫ
ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ, СОЦИАЛЬНО-
ЭКОНОМИЧЕСКОЙ И КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ (1920–1960-е гг.)**

Специальность: 07.00.02 – Отечественная история

**Автореферат
диссертация на соискание ученой степени
доктора исторических наук**

Краснодар 2018

Работа выполнена на кафедре всеобщей истории и международных отношений
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

Научные консультанты:

Иванов Александр Гаврилович,

доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории и международных отношений ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет» (г. Краснодар);

Матвеев Олег Владимирович,

доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории России ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет» (г. Краснодар).

Официальные оппоненты:

Бочарова Зоя Сергеевна,

доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры ЮНЕСКО по изучению глобальных проблем ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова» (г. Москва);

Кротова Мария Владимировна,

доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры международных отношений, медиалогии, политологии и истории ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный экономический университет» (г. Санкт-Петербург);

Трут Владимир Петрович,

доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры отечественной истории XX–XXI вв. Института истории и международных отношений ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет» (г. Ростов-на-Дону).

Ведущая организация:

ФГБОУ ВО «Ярославский государственный университет имени П.Г. Демидова» (г. Ярославль).

Защита состоится 22 июня 2018 г. в 13 час. 00 мин. на заседании диссертационного совета Д 212.101.03 по защите докторских и кандидатских диссертаций на базе ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет» по адресу: 350040, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149. E-mail: dissovet.fismo@kubsu.ru.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Кубанского государственного университета. Электронная версия автореферата размещена на сайте ВАК при Минобрнауки России: <http://vak.ed.gov.ru>. Диссертация и автореферат размещены на сайте Кубанского государственного университета: <http://www.kubsu.ru>.

Автореферат разослан « ____ » _____ 2018 г.

Ученый секретарь диссертационного совета
д-р ист. наук, д-р полит. наук, проф.

 – А.В. Баранов

1. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы диссертации обусловлена рядом факторов. Во-первых, изучение казачьего зарубежья может внести определенный вклад в понимание сущностных характеристик казачества и, как следствие, позволит проводить более грамотную политику в отношении современных казачьих обществ и объединений. Во-вторых, анализ процесса адаптации казаков-эмигрантов в принимающих обществах даст возможность выявить и более четко представить механизмы адаптации иммигрантов в новой социально-экономической, общественно-политической и культурно-этнической среде. В-третьих, исследование участия казачества во Второй мировой войне приобретает особую актуальность в период ведения информационных войн и «оранжевых революций», когда прослеживается чёткая тенденция определенных политических и научных кругов представить коллаборационистов как своего рода активных идейных борцов против социалистической системы и на этом основании оправдывать правомерность сотрудничества с внешним врагом для борьбы с врагом внутренним. В-четвертых, интерес к проблемам соотечественников за рубежом, укрепление взаимодействий и связей внутри Русского мира, налаживание контактов с представителями российского зарубежья делают актуальным и обращение к его истории. Особую актуальность изучаемой проблеме придает тот факт, что ряд казачьих обществ Российской Федерации предпринимают активные попытки налаживания контактов и расширения связей с современным зарубежным казачеством. В-пятых, интенсификация миграционных процессов в современном мире делает актуальной проблему взаимоотношений разных народов, разных культур. Анализ казачьего зарубежья позволяет внести лепту в ее изучение.

Объект диссертационного исследования – казачье зарубежье как целостное социально-историческое явление, а также отдельно взятые его составляющие (казачьи организации, общества, объединения и отдельные казаки).

Предмет диссертационного исследования – общественно-политическая, социально-экономическая и культурная жизнь казачьего зарубежья в 1920–1960-е гг.

Хронологические границы диссертационного исследования охватывают 1920–1960-е гг. Начальная граница работы обусловлена началом эмиграции казачества. Выбор конечной границы исследования определен рядом факторов. Во-первых, одна из исследовательских задач диссертации предполагает сравнение адаптационных условий и процессов, с которыми столкнулись казаки-эмигранты первой и второй волн эмиграции. В этом аспекте наиболее корректен выбор примерно одинаковых по протяженности хронологических отрезков пребывания казаков за рубежом. Во-вторых, в 1970-е гг. началась новая волна эмиграции из СССР, которая в определенной степени сказалась в целом на изменениях среды русского мира, частью которого являлось и зарубежное казачество. В-третьих, к концу 1960-х гг. резко сокращается число казаков-эмигрантов первой волны (вследствие их естественной смерти), снижается активность оставшихся эмигрантов первой и второй волн, а также происходит ин-

теграция большинства представителей казачьего зарубежья в структуру стран пребывания и потеря многими из них связи с казачеством, утрата «казачьего лица».

В то же время в работе имеются отступления от обозначенных хронологических рамок. Так, анализ причин эмиграции, политических взглядов казаков к необходимости кратко остановиться на событиях, предшествовавших выходу казаков за границу, в первую очередь, речь идет о периоде революции и Гражданской войны в России.

Географические границы диссертационного исследования охватывают территорию государств, принявших казаков-эмигрантов. Учитывая, что в течение 1920–1960-х гг. в силу различных миграционных процессов казаки оказались разбросаны по всему миру, анализ ограничен отдельными регионами и государствами с наибольшим числом казаков-иммигрантов. Критерий определения географии исследования – активное проявление различных форм жизни (общественно-политической, социально-экономической, культурной) казачьего сообщества как своеобразного социально-исторического феномена. Исходя из этого критерия, основное внимание в работе сосредоточено на таких европейских странах, как Австрия, Бельгия, Болгария, Великобритания, Германия, Греция, Италия, Польша, Сербия, Словакия, Финляндия, Франция, Чехия, на государствах Северной и Южной Америки – США, Канаде, Аргентине, Бразилии, Парагвая, а также Австралии, Китае, Турции. Встречаются упоминания о пребывании казаков и в других государствах, например, Мексике, Марокко, Сирии, Чили, Перу и др.

Степень научной разработанности проблемы. Анализ степени изученности проблемы казачьего зарубежья показывает, что в советской историографии данная тема редко являлась предметом специальных исследований. Первые работы, посвященные казачьей эмиграции, были написаны самими казаками-эмигрантами и носили в значительной степени мемуарный характер¹. Большинство исследований 1920–1930-х гг. были посвящены анализу положения российской эмиграции в целом, и казачество в них, если и упоминалось, то вскользь². Но были и работы, написанные казаками и посвященные конкретно казачеству³. Однако все эти работы, изданные одними из первых в стране Советов, были чрезвычайно тенденциозны.

С середины 1930-х гг. и до начала 1960-х гг. в историографии российского зарубежья было своеобразное затишье. В значительной степени это связано с тем, что в СССР был возведен фактически «железный занавес», по другую сторону которого оказалась и российская эмиграция. Проблемы, связанные с ее изучением, советские историки обходили стороной.

¹ Булацель А. На родину из стана белых. М., 1924.

² Калинин И.М. В стране братушек. М., 1923.

³ Лунченков И. За чужие грехи. Ростов н/Д, 1925. С. 7.

В 1960-х гг., когда часть эмигрантов вернулись на родину, стали публиковаться их работы, преимущественно в форме воспоминаний¹.

В 1970-е гг. появились научные исследования, анализирующие российскую эмиграцию. Практически все они были посвящены ее критике в виде своеобразных разоблачений, строящихся на специально подобранных фактах и их соответствующей интерпретации². При этом казаки упоминались в них крайне редко, только как один из контингентов Русской армии П.Н. Врангеля, так как в советской историографии считалось, что казачество как сословие исчезло в ходе революционных преобразований.

Новым рубежом в отечественной историографии российского зарубежья стала середина 1980-х гг. В советской историографии с середины 1980-х гг. начал расти интерес к истории российской эмиграции и изучению казачества во всех аспектах (историческом, культурном, социологическом, политологическом). Исследователи акцентировали внимание на такие проблемы, как: численность казаков-эмигрантов и их размещение по странам, общественно-политическая и культурная жизнь казачьего зарубежья. Появляются первые историографические и источниковедческие работы по казачьей эмиграции³.

В географическом плане исследователи в большей степени первоначально уделяли внимание казакам юго-восточной части Европейской России, эмигрировавшим преимущественно на Запад⁴. Наиболее активно изучалась жизнь казаков-эмигрантов в Болгарии⁵, Югославии¹, Польше² и Чехословакии³ – стра-

¹ Шостаковский П.П. Путь к правде. Минск, 1960; Вертинский А. Четверть века без родины // Москва. 1962. № 3–6; Любимов Л. На чужбине. М., 1963; Мейснер Д. Исповедь старого эмигранта. М., 1963; Мейснер Д. Миражи и действительность. М., 1966; Оболенский П. На чужой стороне // Москва. 1965. № 8; Александровский Б.Н. Из пережитого в чужих краях. М., 1969 и др.

² Комин В.В. Политический и идейный крах русской мелкобуржуазной контрреволюции за рубежом. Калинин, 1977; Иоффе Г.З. Крах русской монархической контрреволюции. М., 1977; Барихновский Г.Ф. Идейно-политический крах белоэмиграции и разгром внутренней контрреволюции. Л., 1978; Мухачев Ю.В. Идейно-политическое банкротство планов буржуазного реставраторства в СССР. М., 1982; Шкаренков Л.К. Агония белой эмиграции. М., 1987.

³ Гареева Д.М. Отечественная историография казачьего зарубежья // Современные проблемы литературоведения, лингвистики и коммуникативистики глазами молодых ученых: традиции и новаторство. Уфа, 2015. С. 153–163; Ратушняк О.В. Российская историография казачьего зарубежья // Вопросы национальной историографии и народных представлений славян и их соседей. Краснодар, 2013. С. 88–96; Ратушняк О.В. История казачьего зарубежья в российской историографии // Вестник Томского государственного университета. История. 2015. № 4 (36). С. 119–127.

⁴ Ратушняк О.В. Казаки-эмигранты в Европе (1920-е гг.) // Из истории стран Запада в новейшее время: сб. науч. тр. Краснодар, 1999. С. 6–20.

⁵ Ратушняк О.В. Казаки-эмигранты в Болгарии (1920–1930-е гг.) // «Да кто душу положит за други своя...» (К 130-летию участия Русского дворянства в освобождении православного населения Балкан от османского ига): материалы II Междунар. Дворянских чтений. Краснодар, 2006. С. 67–74; Ratushnyak O.V. Cossack emigrants in Bulgaria (1920–1930) // Anthropology, archaeology, history and philosophy. Conference proceedings. Sofia, 2014. P. 467–472.

нах, принявших основную массу уехавших из России. Однако впоследствии стали появляться и работы, посвященные представителям восточнороссийских казачьих войск, ушедших в основном на Восток⁴. Не прошло мимо внимания исследователей и пребывание казаков в Латинской Америке⁵.

Со временем объектом изучения для российских исследователей становилось не все зарубежное казачество, а представители отдельных казачьих войск⁶. Сужение рамок изучения темы происходило и до отдельных казачьих объединений, организаций, обществ⁷.

Хронологически подавляющее большинство исследований первоначально охватывало период до начала Второй мировой войны⁸. Некоторые из них были посвящены совсем небольшому отрезку времени пребывания казаков за рубе-

¹ Арсеньев А.Б. Казаки в Королевстве сербов, хорватов и словенцев (Югославия) // Берега: информационно-аналитический сборник о русском зарубежье. СПб., 2007. Вып. 7. С. 3–15.

² Ратушняк О.В. Казаки-эмигранты в Польше в первой половине 1920-х гг. // Мир славян Северного Кавказа. Краснодар, 2013. Вып. 7. С. 211–218.

³ Ратушняк О.В. Казаки в Чехословакии (ЧСР) // Творческое наследие Ф.А. Щербины и современность: тез. докл. и сообщений Междунар. науч.-практ. конф., посвященной 150-летию со дня рождения Ф.А. Щербины (22–24 сентября 1999 г., ст-ца Каневская Краснодарского края). Краснодар, 1999. С. 97–99.

⁴ Малышенко Г.И. Общественно-политическая жизнь российского казачества в Дальневосточной эмиграции (1920–1945 гг.). Омск, 2006; Чапыгин И.В. Казачья эмиграция в Китае. Иркутск, 2014 и др.

⁵ Мосейкина М.Н. Казачество в странах Латинской Америки в 1920–1950-е гг.: проблемы адаптации и социокультурной интеграции // Российское казачество: проблемы истории, возрождения и перспективы развития. Краснодар, 2016. С. 166–170.

⁶ Антропов О.О. Астраханские казаки в эмиграции // Вопросы истории. 1997. № 11. С. 137–142; Апрельков А.В., Попов Л.А. Оренбургские казаки в эмиграции // Оренбургское казачье войско. Исторические очерки. Челябинск, 1994. С. 131–143; Ганин А.В. Оренбургское казачье войско в Гражданской войне и в эмиграции. 1917–1945 гг. // Военно-исторический журнал. 2006. № 8. С. 25–30; Пушкарев В.А. Амурские казаки в Китае: опыт сохранения традиций (1918–1945) // Россия и АТР. 2013. № 3. С. 17–29; Ратушняк О.В. Донское и кубанское казачество в эмиграции (1920–1939 гг.). Краснодар, 1997; Ратушняк О.В. Кубанское казачество в эмиграции (1920–1939 гг.) // Историческая и социально-образовательная мысль. Краснодар, 2013. № 4 (20). С. 34–41; Ратушняк О.В. Терские и астраханские казаки в эмиграции (1920–1939 гг.) // Вестник Пятигорск. гос. лингвист. ун-та. 2013. № 3. С. 242–245; Якаев С.Н. Кубанское зарубежье в 20–80-х гг. XX века // Новейшие исследования по истории Кубани. Краснодар, 1992.

⁷ Беляков В.В. «И снятся нам сны про Россию родную!». Кадеты на Суэцком канале // Родина. 2009. № 4. С. 39–41; Гаврилов А.Н. Казачий союз – самая массовая общественно-политическая организация казачьей эмиграции // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. Ростов н/Д, 2013. № 1. С. 39–44; Ратушняк О.В. Общеказачий сельскохозяйственный союз: образование, цели и задачи, деятельность (1921–1923 гг.) // Проблемы историографии и истории Кубани: сб. науч. трудов. Краснодар, 1994. С. 188–198.

⁸ Долгих А.И. Казачья эмиграция в 1920-х–30-х гг. // Казаки России. М., 1993. Вып. 2; Худобородов А.Л. Вдали от родины: российские казаки в эмиграции. Челябинск, 1997.

жом¹. Позже появились обобщающие работы, включившие и период Второй мировой войны². Более того, участие казаков-эмигрантов во Второй мировой войне иногда становилось темой отдельных исследований³.

Некоторые исследователи затрагивали проблемы пребывания казаков за рубежом после Второй мировой войны⁴, однако делали это крайне фрагментарно, иногда на примере одной страны⁵. Большинство проблем истории казачьего зарубежья второй половины 1940-х и последующих годов до сих пор находятся вне поля зрения российских исследователей.

В то же время, остается ещё много неизученных или слабо изученных проблем, связанных с пребыванием казаков за рубежом. Это вопросы адаптации, ассимиляции казаков-эмигрантов, взаимоотношения казаков-эмигрантов с другими представителями российской эмиграции и населением принимающих стран, взаимоотношения между казаками-эмигрантами первой и второй волн российской эмиграции. Практически не изучен комплекс проблем, связанных с пребыванием казаков за рубежом после окончания Второй мировой войны.

Учитывая, что казачество было составной частью российской эмиграции, важные аспекты изучаемой проблемы можно увидеть в трудах специалистов по истории российской эмиграции в целом.

Среди современных российских исследований выделим те, которые, на наш взгляд, являются определяющими, магистральными при изучении российской эмиграции. Одним из ведущих специалистов по истории российского за-

¹ Ратушняк О.В. Казачество Юго-Востока европейской части России в первый год своей эмиграции (1920–1921 гг.) // Историческая и социально-образовательная мысль. Краснодар, 2013. № 1 (17). С. 31–39.

² Мальшенко Г.И. Общественно-политическая жизнь российского казачества в Дальневосточной эмиграции (1920–1945 гг.). Омск, 2006; Пеньковский Д.Д. Эмиграция казачества из европейской и азиатской частей России и её последствия (1920–1945 гг.). М., 2009; Худобородов А.Л., Яшина М.А. Российское казачество на чужбине. 1920-е – 1940-е годы. Челябинск, 2017; Чапыгин И.В. Казачья эмиграция в Китае. Иркутск, 2014.

³ Крикунов П. Казаки между Гитлером и Сталиным. М., 2005; Ратушняк О.В. Участие казачества во Второй мировой войне на стороне Германии // Теория и практика общественного развития. Краснодар, 2013. № 3. С. 125–129; Ратушняк О.В. Третий Рейх и казачество: к вопросу о взаимоотношениях в годы второй мировой войны // Былые годы. Российский исторический журнал. Сочи, 2013. № 3. С. 101–106.

⁴ Антошин А.В. Донские, кубанские и терские казаки в эмиграции после Второй мировой войны // История российской повседневности. Материалы Всерос. заоч. конф. СПб., 2002. С. 238–241; Антошин А.В. Казачество Дона, Кубани и Терека в эмиграции после Второй мировой войны // Урал в военной истории России: традиции и современность. Екатеринбург, 2003. С. 173–176; Ратушняк О.В. Адаптация казаков-эмигрантов к жизни в зарубежье (1920–1960-е гг.) // Историческая и социально-образовательная мысль. Краснодар, 2014. № 6. Ч. 2. С. 156–158; Ратушняк О.В. Казачье зарубежье в 1945–1960-х гг. // Историческая и социально-образовательная мысль. Краснодар, 2016. Т. 8, № 3. Ч. 2. С. 59–68; Якаев С.Н. Кубанское зарубежье в 20–80 гг. XX века // Новейшие исследования по истории Кубани. Краснодар, 1992. С. 13.

⁵ Ратушняк О.В. Казаки в Англии в 1920-е – 1970-е гг. // Теория и практика общественного развития. Краснодар, 2015. № 3. С. 97–99.

рубежья, бесспорно, является З.С. Бочарова¹. В рамках изучаемой проблематики научный интерес представляют также исследования И.В. Сабенниковой². Учитывая, что значительная часть казаков, эмигрировавших за рубеж, первое время находились в составе воинских частей, значимыми представляются научные труды известных специалистов по военному зарубежью В.И. Голдина³ и В.Ф. Ершова⁴. Роль Русской православной церкви, которую она играла в жизни российского зарубежья, в том числе и казаков, определила интерес к трудам, посвященным истории РПЦ за рубежом. В этом плане наиболее информативными являются труды М.В. Шкаровского⁵. То значение, которое сыграли бывшие российские дипломаты и дипломатические миссии, посольства, консульства в судьбе российских эмигрантов, определяет важность научных изысканий М.М. Кононовой⁶ и Е.М. Мироновой⁷. К одним из редких исследований, посвященным изучению российской эмиграции после окончания Второй мировой войны, относятся работы А.В. Антошина⁸. Естественно, исследователи акцентировали особое внимание на пребывании российских эмигрантов в таких государствах, как Франция⁹, Германия¹, Югославия², Чехословакия³, Болгария⁴,

¹ Бочарова З.С. «...не принявшие иного подданства»: Проблемы социально-правовой адаптации российских эмигрантов в 1920–1930-е годы. СПб., 2005; Бочарова З.С. Российское зарубежье 1920–1930-х гг. как феномен отечественной истории. М., 2011; Бочарова З.С. Русский мир 1930-х годов: от расцвета к увяданию зарубежной России // Русский мир в XX веке: в 6 т. М., СПб., 2014. Т. 3 и др.

² Сабенникова И.В. Русское зарубежье как социально-культурный феномен // Мир России. 1997. № 3. С. 155–184; Сабенникова И.В. Российская эмиграция (1917–1939): сравнительно-типологическое исследование. Тверь, 2002; Сабенникова И.В. Правовое положение российской эмиграции 1920–1930-х гг. в странах-реципиентах: сравнительный анализ // Правовое положение российской эмиграции в 1920–1930-е годы. СПб., 2006 и др.

³ Голдин В.И. Роковой выбор. Русское военное зарубежье в годы Второй мировой войны. Архангельск; Мурманск, 2005; Голдин В.И. Солдаты на чужбине. Русский Обще-Воинский Союз и русское зарубежье в XX–XXI веках. Архангельск, 2006; Голдин В.И. Русское военное зарубежье в XX веке. Архангельск, 2007; Голдин В.И. Российская военная эмиграция и советские спецслужбы в 20-е годы XX века. Архангельск; СПб., 2010.

⁴ Ершов В.Ф. Российское военно-политическое зарубежье в 1918–1945 гг. М., 2000; Ершов В.Ф. Российское военное зарубежье в 1945–1980-е гг.: стагнация и угасание // История российского зарубежья. Эмиграция из СССР–России 1941–2001 гг.: сб. ст. М., 2007 и др.

⁵ Шкаровский М.В. История русской церковной эмиграции. СПб., 2009; Шкаровский М.В. Духовенство Русского корпуса в Югославии // Русская эмиграция и фашизм: статьи и воспоминания. СПб., 2011 и др.

⁶ Кононова М.М. Русские дипломатические представительства в эмиграции (1917–1925 гг. М., 2004.

⁷ Миронова Е.М. Дипломатия не большевистской России. От Певческого моста до улицы Греналь. 1917–1918. М., 2013 и др.

⁸ Антошин А.В. На фронтах Второй мировой и «холодной» войн: русские эмигранты в 1939 – начале 1950-х гг. // Русский мир в XX веке: в 6 т. М.; СПб., 2014. Т. 4; Антошин А.В. От Русского Монмартра – к Брайтон-Бич: эволюция Русского мира в 1930-е – начале 1980-х гг. // Русский мир в XX веке: в 6 т. М.; СПб., 2014. Т. 5 и др.

⁹ Партаненко Т.В. К вопросу о стереотипе поведения и ментальности русской эмиграции во Франции // Русская эмиграция во Франции (1850-е – 1950-е гг.): сб. ст. СПб., 1995.

Польша⁵. Российской диаспоре в Китае посвящены монографии Н.Н. Аблажей⁶, Е.Е. Аурилене⁷, М.В. Кротовой⁸, Е.Н. Наземцевой⁹. Учитывая, что после Второй мировой войны значительная часть российских эмигрантов, в том числе и казаков, переместились в Австралию и Южную Америку, в рамках проведенно-

С. 168–174; Русская эмиграция во Франции (1850-е – 1950-е гг.): сб. науч. ст. СПб., 1995; Русский Париж / предисл., сост. и коммент. Т.П. Бусласова. М., 1998 и др.

¹ Никитин А.К. Этапы и методы унификации Русской православной общины в Германии в 1935–1939 годах // Русская эмиграция в Европе (20–30-е гг. XX века). М.: ИВИ РАН, 1996. С. 129–162; Русские в Германии (1914–1933). СПб., 1995; Русский Берлин / предисл., сост., и коммент. В.В. Сорокина. М., 2003; Русский Берлин: 1920–1945: Междунар. науч. конф. М., 2006 и др.

² Квакин А.В. К вопросу о правовом положении русских беженцев в Югославии 1920–1930-х годов // Правовое положение российской эмиграции в 1920–1930-е годы. СПб., 2006. С. 111–122; Тесемников В.А. Российская эмиграция в Югославии // Вопросы истории. 1988. № 10; Ткачев С.В. Культурная жизнь русских в Польше (1921–1939): общества, школа, пресса // Российская эмиграция в славянских странах: сб. материалов XXXIX Междунар. филол. конф. СПб., 2010. С. 21–31 и др.

³ Серапионова Е.П. Правовое положение русских беженцев в Чехословакии // Правовое положение российской эмиграции в 1920–1930-е годы. СПб., 2006. С. 140–152; Серапионова Е.П. Российская эмиграция в Чехословацкой республике (20–30-е годы). М., 1995.

⁴ Бочарова З. Пути адаптации и самосохранения русского мира в Болгарии (1920-е годы) // Русское зарубежье в Болгарии: история и современность. София, 2009. С. 146–148; Горяинов А.Н. Панорама жизни русских эмигрантов в Болгарии (по воспоминаниям И.В. Матвеевой) // Миграция и эмиграция в странах Центральной и Юго-Восточной Европы в XVIII–XX вв. Сохранение национальной идентичности и историко-культурного наследия. СПб, 2011. С. 364–389; Горяинов А.Н. Учебные заведения русской эмиграции в Болгарии // Культура Российского Зарубежья: сб. ст. М., 1995. С. 140–154; Косик В. Русская эмиграция в Болгарии после 1945 года // Русское зарубежье в Болгарии: история и современность. София, 2009. С. 169–174; Петрушева Л.И. Болгария и российская эмиграция // Болгария и российская эмиграция. 1920–1945 гг. Историко-документальная выставка. Каталог выставки. М., 2007. С. 10–19 и др.

⁵ Микуленок А.А. Причины и особенности исхода российской эмиграции в Польшу в первой половине 1920-х гг. // Вестник Костромск. гос. ун-та им. Н.А. Некрасова. 2016. № 3. С. 47–51; Микуленок А.А. Проблема урегулирования правового положения российских эмигрантов в Польше в 1920-е гг. // Историческая и социально-образовательная мысль. Краснодар, 2015. Т. 7, № 6. Ч. 2. С. 64–69; Симонова Т.М. Некоторые проблемы миграции, иммиграции и репатриации в геопространстве Польша – Россия в период 1914–1923 гг. // Миграция и эмиграция в странах Центральной и Юго-Восточной Европы в XVIII–XX вв. Сохранение национальной идентичности и историко-культурного наследия. СПб., 2011. С. 226–262; Симонова Т.М. Специфика правового положения россиян в Польше (1919–1928 гг.) // Правовое положение российской эмиграции в 1920–1930-е годы. СПб., 2006. С. 254–267 и др.

⁶ Аблажей Н.Н. С востока на восток: Российская эмиграция в Китае. Новосибирск, 2007.

⁷ Аурилене Е.Е. Российская диаспора в Китае. Маньчжурия, Северный Китай, Шанхай. 1920–1950-е гг. Хабаровск, 2003.

⁸ Кротова М.В. СССР и российская эмиграция в Маньчжурии (1920–1930-е гг.). СПб., 2014.

⁹ Наземцева Е.Н. Русская эмиграция в Синьцзяне (1920–1930-е гг.). Барнаул, 2010; Наземцева Е.Н. На дипломатическом уровне: проблемы правового статуса русских эмигрантов в Китае в советско-китайских отношениях (1920–1940-е гг.). СПб., 2016 и др.

го исследования использовались работы Г.И. Каневской¹, М.Н. Мосейкиной², А.Ю. Рудницкого³.

Анализ степени изученности проблемы был бы неполным без обзора зарубежной и эмигрантской литературы.

Эмигрантскую историографию условно можно разделить на две группы: довоенная (имеется в виду литература, изданная до Второй мировой войны) и послевоенная. Среди довоенной литературы интерес представляют исследования, отразившие жизнь российских эмигрантов в Чехословакии⁴, Болгарии⁵, в которых косвенным образом упоминаются и представители казачества. Данные работы позволяют увидеть взаимоотношения российских эмигрантов с местными властями и населением, особенности положения их в том или ином государстве. Учитывая, что казачьи части составляли значительную долю в Русской армии генерала П.Н. Врангеля, значимыми представляются труды В.Х. Даватца и Н.Н. Львова⁶. Прекрасное дополнение к их работам – очерк П.И. Крюкова⁷.

В послевоенной эмигрантской литературе большое внимание было уделено проблеме участия эмигрантов во Второй мировой войне⁸. Эмигрантская литература представляет значительный интерес, позволяя взглянуть на анализируемые события глазами не только историка-эмигранта, но и участника описываемых событий.

Историю казачьего зарубежья не обошли вниманием и иностранные исследователи. Зарубежные исследователи либо анализировали пребывание казаков в конкретном государстве, гражданином которого (чаще всего) был сам исследователь), либо уделяли внимание участию казаков во Второй мировой войне. При этом объектом исследования стали казаки, в той или иной мере сотрудничавшие с Третьим рейхом. Отметим, что в целом проблема коллабора-

¹ Каневская Г.И. «Я – бездомный, но зато на воле...». Русские перемещенные лица в Австралии (1947–1954 гг.). Владивосток, 2005; Каневская Г.И. Правовая адаптация российских эмигрантов в Австралии (10–30-е гг. XX в.) // Правовое положение российской эмиграции в 1920–1930-е годы. СПб., 2006; Каневская Г.И. «Мы еще мечтаем о России...». История русской диаспоры в Австралии (конец XIX – вторая половина 90-х гг. XX в.). Владивосток, 2010 и др.

² Мосейкина М.Н. Правовое положение русской эмиграции в странах Латинской Америки (1920–30-е годы) // Правовое положение российской эмиграции в 1920–1930-е годы. СПб., 2006; Мосейкина М.Н. «Рассеяны, но не расторгнуты»: русская эмиграция в странах Латинской Америки в 1920–1960 гг. М., 2011 и др.

³ Рудницкий А.Ю. Другая жизнь и берег дальний...: Русские в австралийской истории. М., 1991.

⁴ Русские в Праге. 1918–1928 гг. Прага, 1928.

⁵ Русские в Болгарии: сб. ст. София, 1923.

⁶ Даватц В.Х., Львов Н.Н. Русская армия на чужбине. Белград, 1923; Даватц В.Х. Годы. Очерки пятилетней войны. Белград, 1926.

⁷ Казаки в Чаталдже и на Лемносе в 1920–1922 гг. Белград, 1924.

⁸ Беляевский В.А. Вторая мировая война. Роль казачества в этой войне и трагедия такового. 1939–1945 гг. Сан-Пауло, 1963; Донсков П.Н. Дон, Кубань и Терек во Второй мировой войне. Нью-Йорк, 1960; Ленивов А.К. Под казачьим знаменем. Мюнхен, 1970; Науменко В.Г. Великое предательство. Сборник материалов и документов. Нью-Йорк, 1962. Т. 1; 1970. Т. 2.

ционизма казаков, в том числе и советских граждан, получила свое первоначальное звучание именно на Западе. И это не случайно, так как в советской историографии данная тема была практически под запретом.

Анализ исследований российских и зарубежных авторов показывает, что проблемы истории казачьей эмиграции нашли свое отражение как в российской (в том числе эмигрантской), так и в зарубежной историографии. В то же время, остается еще много сюжетов, требующих своего тщательного изучения, без которого невозможно полноценное исследование проблемы истории казачьего зарубежья. Кроме того, в историографии казачьего зарубежья практически белым пятном остается пребывание казаков за рубежом после Второй мировой войны. Настоящее диссертационное исследование является попыткой в определенной мере восполнить данный пробел в российской историографии казачьего зарубежья.

Цель диссертационного исследования – выявить закономерности общественно-политической, социально-экономической и культурной жизни казачьего зарубежья как социально-исторического феномена сквозь призму адаптации казаков-иммигрантов в принявших их государствах.

Задачи диссертационного исследования:

- 1) обозначить и решить методологические проблемы, связанные с изучаемой темой, определив казачье зарубежье в качестве социально-исторического явления и объекта исследования;
- 2) выявить новые источники и проанализировать источниковую базу по изучению казачьего зарубежья;
- 3) определить состояние российской и зарубежной историографии в рамках заявленной темы, раскрыть основные проблемы – как получившие освещение в исторической науке, так и требующие своего изучения;
- 4) выявить и сравнить причины эмиграции казаков первой и второй волн;
- 5) установить численность, географию размещения казаков за рубежом;
- 6) раскрыть политические и социально-экономические условия пребывания казаков за рубежом в изучаемый период времени;
- 7) выявить структуру и общественно-политическую жизнь казачьего зарубежья;
- 8) раскрыть роль казачества во Второй мировой войне;
- 9) установить степень социально-экономической и культурной адаптации казаков-иммигрантов и их интеграции в общественно-политическую, социально-экономическую и культурную среду принимаемых государств;
- 10) определить роль и значение казачества для принимаемых государств.

Теоретико-методологическую основу диссертации составил ряд принципов и методов научного познания, включая принципы и методы исторической науки.

В основу работы были положены принципы объективности, системности, всесторонности, конкретности и историзма.

Среди философских методов выделим диалектический, который направлен на раскрытие общих идей и принципов познания реальности. В процессе иссле-

дования широко использовались общелогические методы индукции, дедукции и аналогии, а также синхронический, диахронический и историко-генетический. Учитывая, что далеко не все события и факты, связанные с пребыванием казаков за рубежом, известны и некоторые документы, свидетельствующие о них, впервые вводятся в научный оборот, в диссертационном исследовании использовался нарративный (описательно-повествовательный) метод. Отсутствие информации о том или ином событии, явлении в отдельных случаях компенсировалось использованием метода интуитивно-логического анализа, результаты применения которого оформлялись в виде предположений.

В процессе анализа и изложения материала автор отходит от актуализации внимания только на объекте исследования – казачестве. Учитывая, что одной из задач является сравнение положения казаков-эмигрантов с положением российской эмиграции в целом и выявление в данном анализе общих и отличительных черт, в диссертации анализируются процессы, явления и события, характерные для всего российского зарубежья.

При анализе положения казаков-иммигрантов в принимающих их сообществах автор исходил из теории аккультурации, согласно которой участие в межкультурных контактах и сохранение культурной идентичности приводит к одной из четырех стратегий – ассимиляции, сепарации, маргинализации и интеграции¹.

В рамках исследования термины «эмиграция» и «иммиграция», «эмигранты» и «иммигранты» используются в зависимости от контекста в соответствии с общепринятой их трактовкой.

Учитывая, что основное внимание в диссертационном исследовании сосредоточено на двух волнах казачьей эмиграции (после Гражданской войны в России и после Второй мировой войны), в работе они упоминаются как первая и вторая волны. Это же относится и в целом к эмиграции из России/СССР, хотя мы не отрицаем, что и до Гражданской войны из России было несколько потоков эмиграции, в том числе трудовой, политической, религиозной.

В процессе обобщения тех или иных результатов исследования мы обращали внимание и на отдельные, пусть и единичные факты, показывающие все многообразие взглядов, идей, мнений, бытовавших в среде казачьего и российского зарубежья.

Источниковая база диссертационного исследования основывается на широком круге источников, разнообразных как по своему происхождению, так и по содержанию. Все используемые источники условно разделены нами на 7 видов: законодательные, нормативно-правовые документы; делопроизводственные документы; статистические данные; документы личного происхождения (мемуары, дневники, частную переписку); интервью²; художественную литературу; периодическая печать, публицистику.

¹ Эмиграция и репатриация в России. М., 2001. С. 159.

² Некоторые исследователи не без оснований относят интервью к документам личного происхождения.

Документы каждой из выделенных групп имеют свои особенности и характерные черты, которые определяют их значимость в процессе изучения заявленной темы исследования.

1. Законодательные, нормативно-правовые документы представлены как на национальном уровне, так и на международном. Среди законодательных актов национального характера отметим законы, указы, принимаемые советским правительством в отношении российских эмигрантов¹, а также законодательные основы существования российских иммигрантов (включая их въезд и выезд) в государствах своего пребывания². Среди нормативно-правовых актов международного характера выделим международные договоры и соглашения, содержание которых касалось положения российских эмигрантов и перемещенных лиц³.

2. Делопроизводственные текущие документы по своему составу представляют наиболее большую группу разнообразных источников. В ней можно выделить: а) документы государственных организаций и органов власти⁴; б) Лиги Наций и ООН, включая их различные структурные подразделения; в) официальные документы различных общественных, политических, социально-экономических, бытовых, культурных организаций, объединений (включая казачьи войсковые объединения за границей); г) приказы, распоряжения, донесения и другие материалы по воинским частям, соединениям, подразделениям.

3. Статистические источники представлены преимущественно данными Лиги Наций и ООН в отношении количества беженцев и их размещения по странам, а также материалами переписей населения некоторых государств. Не менее информативны и статистические материалы, подготовленные самими эмигрантами и их организациями.

4. Источники личного происхождения функционально рассчитаны, прежде всего, на установление коммуникации, как межличностной, так и автокоммуникативной. Одной из отличительных характеристик данного вида источников является их субъективность. В силу этого исследователь при изучении мемуаров, дневников, переписки обязан большое внимание уделить их автору, его личности, времени и месту не только описываемых событий, но и написания дневника, мемуаров, письма. В то же время значимость подобного рода источников (особенно дневников и писем) заключается и в том, что исследователь порой имеет возможность увидеть среди прочего частную жизнь конкретного человека. Это открывает новые возможности для анализа ряда процессов, про-

¹ О восстановлении в гражданстве СССР подданных бывшей Российской империи, а также лиц, утративших советское гражданство, проживающих на территории Болгарии: Указ Президиума Верховного Совета СССР от 14 июня 1946 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_4595.htm и др.

² Алманах Кральевине Срба, Хрвата и Словенаца. Београд; Загреб, 1921–1928. Св. I–III; Алманах Кральевине Југославије. Београд; Загреб, 1929–1938. Св. IV–V и др.

³ Внешняя политика Советского Союза. 1947 год. Документы и материалы. М., 1952. Ч. 1. С. 85, 211, 253, 292, 331.

⁴ Службени новини Кральевине срба, хрвата и словенаца. Београд, 1919–1941.

текавших в казачьем зарубежье, в том числе процесса адаптации казаков-эмигрантов к новым для них условиям существования за рубежом.

К числу крайне информативных источников относятся письма¹. Не менее ценны и дневниковые записи². Они, в частности, дают возможность реконструировать некоторые события, предоставляя порой уникальные факты, позволяют увидеть отношение автора к тем или иным событиям, раскрывая в определенной степени его личностные характеристики.

В ходе исследования автором активно использовалась и литература мемуарного характера³. При этом значимыми являются воспоминания не только казаков-эмигрантов, но и представителей российского зарубежья в целом, а также иностранцев. Особенно важными представляются мемуары известных общественно-политических деятелей российской эмиграции⁴. Уникальным источником являются воспоминания детей-эмигрантов и детей-сирот, вывезенных за границу⁵.

Мемуары как исторический источник интересны в первую очередь возможностью реконструкции психологии людей изучаемого времени, а также эмоциональным восприятием изучаемой эпохи. Однако порой и фактический материал, содержащийся в мемуарах, при определенной проверке и уточнении дает возможность реконструировать те или иные события из жизни казачьего зарубежья.

5. Важным и отчасти уникальным источником явились интервью, записанные автором в ходе его рабочих поездок в США, Сербию, Чехию, во время встреч с потомками казаков-эмигрантов, как первой, так и второй волны эмиграции. Часть интервью давали непосредственные участники тех или иных со-

¹ Переписка В.Г. Науменко // ГАКК. Ф. Р-1864. Оп. 1. Д. 13–16; «Мы исполнили свой долг до конца»: переписка В.Г. Науменко и Г.Н. Хиля. 1970–1971 гг. / публ. О.В. Ратушняк, С.Г. Темиров // Исторический архив. 2016. № 3. С. 86–107; Письма Ф.И. Елисееву от родственников, оставшихся в Советской России // Жизнь и судьба кубанского казака и джигита Ф.И. Елисеева: по мотивам его воспоминаний / сост.: Н.А. Корсакова, М.В. Карпов, К.В. Скибы. Краснодар, 2013. С. 256–268; Чему свидетели мы были... Переписка бывших царских дипломатов 1934–1940: сборник документов: в 2 кн. / ред. кол. Е.М. Примаков и др. М., 1998. Кн. 1. 1934–1937; Кн. 2. 1938–1940 и др.

² Дневник В.Г. Науменко // ГАКК. Ф. Р-1864. Оп. 1. Д. 1–12; Константинов Д.В. Записки военного священника. Б.м., 1980 и др.

³ Дудников В.С. Воспоминания старого казака о пережитом и размышления о настоящем // Материалы по истории русского освободительного движения 1941–1945 / под общ. ред. А.В. Огорокова. М., 1997. Вып. 1. С. 328–354; Солодухин, Г. Жизнь и судьба одного казака. Нью-Йорк, 1962; Чеботарев Г. Правда о России: мемуары профессора Принстонского университета, в прошлом казачьего офицера (1917–1959). М., 2007 и др.

⁴ Лампе А.А. Пути верных. Париж, 1960; Лукомский А.С. Воспоминания: в 2 т. Берлин, 1922. Т. 1; Т. 2 и др.

⁵ Воспоминания 500 русских детей...; Дети эмиграции. Сборник статей / под ред. В.В. Зеньковского. Прага, 1925.

бытий¹. Некоторые интервью проводились с лицами, которые прямо или опосредованно контактировали с участниками тех или иных событий².

6. Художественная литература – специфический источник, который по-разному используется исследователями. В рамках заявленной проблематики автор обращался к художественной литературе только с целью раскрытия культурной жизни казачьего зарубежья. Ее анализ показывает, какого рода темы были востребованы казаками за рубежом, какие сюжеты нашли свое отражение в художественных произведениях. Более того, сам факт издания прозаических и поэтических произведений за рубежом является значимым для анализа культурной жизни казаков-эмигрантов и их потомков. Помимо отдельных изданий, большинство художественных публикаций казаков-эмигрантов содержится в различных газетах и журналах казачьего и российского зарубежья.

7. Материалы периодической печати один из важнейших источников по истории казачьей эмиграции. Всю периодику можно условно разделить на четыре группы: а) общероссийские эмигрантские издания³; б) казачья печать⁴; в) печатные средства массовой информации государств, принявших казаков-эмигрантов⁵; г) советская периодика⁶. Данная разбивка на группы является одним из первых шагов к анализу материалов периодической печати.

В качестве особенностей периодической печати как исторического источника выделяется ее многоплановость и синтетический характер, выражающиеся в наличии самых разнообразных материалов: официальные сообщения и документы, публицистика, аналитические статьи, хроника, объявления, некрологи и другие публикации. Все эти материалы можно условно представить в трех группах: информационные материалы, аналитика, художественно-публицистические произведения. Каждая из данных групп имеет свои особенности, важные с точки зрения критического анализа источников. Так, информационные материалы значимы с точки зрения получения информации о том или ином факте, событии. В большинстве подобного рода документах изначально заложено стремление к передаче информации. Однако следует иметь в виду, что данная информация может быть и ложной, искаженной. Чаще всего это связано с двумя факторами. Первый – стремление к оперативности и, как след-

¹ Личный архив О.В. Ратушняка (ЛА Р). Интервью с Н.В. Дубовским. 29.11.2008, Хауэлл (шт. Нью-Джерси, США); Интервью с А.М. Певневым. 27.07.2010, Фарминдейл (шт. Нью-Джерси, США); Интервью с Н.П. Сухенко. 25.07.2010, Винелэнд (шт. Нью-Джерси, США) и др.

² ЛА Р. Интервью с З. Дробот. 21.05.2015, Придворице (Сербия); Интервью с А.В. Капшиковой. 12.05.2015, Прага (Чехия); Интервью с Н.Г. Хилем. 30.05.2016. Сочи (Краснодарский край, РФ) и др.

³ Новый журнал. Нью-Йорк, 1950, № 14; Руль. Берлин, 1922, 7 декабря; Русский в Аргентине. Буэнос-Айрес, 1940, 1 апреля и др.

⁴ Дальневосточный казак. Харбин, 1938, 30 марта; Донской атаманский вестник. Лейквуд (США), 1965, № 56; Казачий набат. Прага, 1933, 1 ноября и др.

⁵ Алманах Кральевине Срба, Хрвата и Словенаца. Београд; Загреб, 1921–1928. Св. I–III; Алманах Кральевине Југославије. Београд; Загреб, 1929–1938. Св. IV–V и др.

⁶ Огонек. М., 1923. № 7.

ствие, неимение времени на подтверждение достоверности того или иного факта. Второй фактор связан с идеологической функцией ряда средств массовой информации и порой с намеренным искажением фактов в целях выполнения той или иной идеологической задачи. Аналитические статьи представляют интерес в первую очередь в плане изучения основных направлений общественно-политической мысли по той или иной проблеме. Анализ печатных органов казачков-эмигрантов позволяет выявить многообразие политических групп, действовавших в казачьем зарубежье, их программные установки и основные направления деятельности.

В целом использованная источниковая база содержит разнообразный по происхождению, характеру и содержанию материал, позволяющий в достаточно полной мере решить задачи, обозначенные в рамках темы диссертационного исследования.

Соответствие диссертационного исследования паспорту научной специальности. Диссертационное исследование проводилось в рамках научной специальности 07.00.02 – Отечественная история. Области исследования: п. 4 – История взаимоотношений власти и общества, государственных органов и общественных институтов России и ее регионов; п. 6 – История повседневной жизни различных слоев населения страны на соответствующем этапе ее развития; п. 7 – История развития различных социальных групп России, их политической жизни и хозяйственной деятельности; п. 9 – История общественной мысли и общественных движений; п. 12 – История развития культуры, науки и образования России, ее регионов и народов; п. 18 – Исторические изменения ментальностей народов и социальных групп российского общества; п. 23 – История Великой Отечественной войны; п. 24 – Россия в крупнейших международных конфликтах.

Научная новизна диссертационного исследования заключается в следующем:

1. Комплексно проанализировано социально-политическое и социально-экономическое положение казачьего зарубежья в 1945–1960-е гг., которое ранее практически оставалось за рамками исследований казачьей эмиграции.

2. Проведен сравнительный анализ адаптации к жизни за пределами родины казачков-эмигрантов первой и второй волн эмиграции и их потомков. Сделаны выводы о том, что степень ассимиляции и аккультурации казачков-иммигрантов второй волны была значительно выше, что объяснялось отсутствием надежды на возвращение на родину и, как следствие, стремлением более глубоко инкорпорироваться в жизнь принимающих государств.

3. Методологически обосновано определение казачьего зарубежья в качестве объекта исследования с раскрытием основных его характеристик: общее историческое прошлое, определяющее единство коллективной памяти и культурных традиций; специфическая организация, включающая выборность атаманов и объединения в виде станиц и хуторов; тесные связи как внутри войсковых объединений, так и между казаками различных войск.

4. Установлено, что при изучении казачьего зарубежья возможно и допустимо использование термина «диаспора» в силу того, что для казаков за границей было характерно стремление к институционализации общественно-политической и культурной жизни, а также наличие коллективных связей и групповой солидарности.

5. Помимо магистральных (основных) причин эмиграции, иммиграции и репатриации, а также коллаборационизма части казачества, обращено внимание на существование различных индивидуальных побудительных мотивов, часто являющихся результатом стечения обстоятельств и комбинации нескольких причин.

6. Сделаны выводы о влиянии на социально-экономическое положение казаков-иммигрантов политики правительств и социально-экономической обстановки принимающих государств (в 1920–1960-х гг.). Так, практически все казаки почувствовали тяжесть экономических кризисов, поразивших государства их пребывания после Первой мировой войны, а также в конце 1920-х – начале 1930-х гг. Проведение послевоенной реформы в Германии в 1948 г. также сильно ударило в первую очередь по иммигрантам и перемещенным лицам, находившимся в стране, и послужило дополнительным мотивом к выезду из нее. Социально-политические изменения в Китае и соответствующая политика китайского правительства привели к тому, что практически все казаки-иммигранты в конце 1940-х – начале 1950-х гг. покинули страну. В государствах социалистического лагеря большинство казаков приняли советское гражданство или гражданство государств пребывания, при этом практически утратив всякую связь с казаками в других государствах.

7. Введено в научный оборот значительное количество источников по исследуемой проблеме. В частности, выявлены и проанализированы: Коллекция документов Кубанского казачьего войска за рубежом, хранящаяся в ГАКК; материалы Музея Кубанского казачьего войска (МККВ) в г. Хауэлл, США; документы, хранящиеся в научно-исследовательском отделе рукописей РГБ¹. Данные источники позволили провести анализ: взаимоотношений между рядовыми казаками и атаманами; взглядов представителей казачества на основные проблемы, прямо или косвенно касающиеся жизни казачьего зарубежья и будущего казачьих краев в 1950–1960-е гг. Документы британского военного министерства из фондов Национального архива Великобритании позволили глубже понять причины и логику действий британских военных властей в период выдачи казаков советскому военному руководству в 1945 г.²

8. Сделан особый акцент на источниковой базе исследования в плане анализа содержания архивохранилищ, музеев, библиотек семи государств. В частности, обращено внимание на значимость в разработке проблематики казачьего зарубежья коллекций местных архивов: Государственного архива Краснодарского края, Государственного архива Хабаровского края, научно-

¹ НИОР РГБ. Ф. 587. Картон 5. Д. 32.

² TNA. F. 26. Folder. 170/4241, 170/4388, 170/4396, 170/4461, 170/4988.

исследовательского отдела рукописей РГБ, музея Кубанского казачьего войска в г. Хауэлл (США), архива Свято-Троицкой духовной семинарии в г. Джорданвилле (США), а также личных архивов потомков казаков-эмигрантов.

Положения, выносимые на защиту:

1. Казачество за рубежом одновременно являлось составной частью российского зарубежья и самостоятельным социально-историческим феноменом. Его роль и значение в истории принимающих государств преимущественно определялись теми же факторами, что и роль и значение российской эмиграции в целом. Иностранные правительства редко выделяли казаков из общей массы российских эмигрантов. Это происходило в основном, когда речь шла о казачьих воинских подразделениях и казачьих организациях и объединениях. Но и в этом случае они чаще всего рассматривались как составные части российских воинских и гражданских организаций, объединений и обществ. Исключение составляет период Второй мировой войны, когда в силу политики правящих кругов Третьего рейха казачество стало рассматриваться ими как самостоятельное явление, имеющее отличительные от российского зарубежья черты.

2. Наиболее острые проблемы, вызывающие дискуссии в научном сообществе по теме исследования, обусловлены или недостаточно изученным материалом, или идеологическими воззрениями исследователей. К подобному роду проблем относятся: определение самого казачества, проблема коллаборационизма казачества, адаптационные процессы в среде казачьего зарубежья, роль казачества в общественно-политической, социально-экономической и культурной жизни принимающих государств.

3. Источниковая база по истории казачьего зарубежья широка и разнообразна как по видовому составу документов, так и по местам хранения материалов. При этом документы, касающиеся пребывания казаков за границей после Второй мировой войны, лишь в малой мере введены в научный оборот. В этом аспекте особый интерес представляют материалы, хранящиеся в Государственном архиве Краснодарского края и музее Кубанского казачьего войска в г. Хауэлл (США).

4. Влияние казачьего зарубежья как самостоятельного социально-исторического явления на жизнь принимающих государств проявлялось преимущественно в области культуры. В то же время нет оснований утверждать об определяющем характере данного влияния.

5. Наиболее значимыми отличительными факторами структуры казачьего зарубежья были войсковая принадлежность, институт атаманства и казачьи объединения в виде станиц и хуторов. Данные факторы, с одной стороны, способствовали адаптации казаков-иммигрантов в принимаемых государствах, с другой стороны, служили препятствием для интеграции казаков в принимаемые сообщества.

6. Общее историко-культурное прошлое было основным фактором единения казачества за рубежом, включая сближение казаков из СССР с теми, кто к концу Второй мировой войны проживал за пределами исторической родины.

Именно оно в значительной степени определяло самосознание казаков и их идентификацию с казачьим сообществом. Более того, оно выразилось и в определенном сближении за рубежом казаков и лиц, проживавших в казачьих регионах или служивших в казачьих частях.

7. В общественно-политической жизни казачьего зарубежья продолжали развиваться тенденции, проявившиеся особенно ярко в годы революции и Гражданской войны в России. Речь идет о расколе казаков по вопросу об этническом происхождении казачества и будущем существовании казачьих краев и областей. Особенно остро данный раскол проявлялся с середины 1920-х гг. до середины 1950-х гг.

8. Коллаборационизм казаков был обусловлен в первую очередь обидами на советскую власть и проводимые ею репрессии казачества, а также боязнью новой волны репрессий после окончания Второй мировой войны. При этом отношение ко Второй мировой войне и участие в ней определялись и государствами пребывания казаков. Так, большинство казаков, находившихся в Германии и государствах-сателлитах, воевали на стороне Третьего рейха. В то же время, большинство казаков, отступавших на Запад вместе с германскими войсками, в большей степени стремились избежать возможных репрессий со стороны советского руководства.

9. Вторая мировая война стала своеобразным водоразделом двух этапов пребывания казаков за рубежом. Эти этапы различались географией расселения казаков-эмигрантов, половозрастным составом, процессами адаптации, интеграции, аккультурации и ассимиляции, протекавшими в казачьей среде.

10. В отличие от 1920–1930-х гг. в 1950–1960-е гг. большинство казаков стали гражданами принявших их государств. Их дети, внуки и правнуки в большинстве своем отождествляли себя с государством пребывания, порой забывая историю и язык предков.

Теоретическая значимость диссертационного исследования заключается в возможности использования материалов диссертации для изучения таких проблем, как адаптация и интеграция иммигрантов в принимающие их общества, сохранение своих культурно-исторических традиций в условиях эмиграции, коллаборационизм. Введение в научный оборот новых материалов позволяет более детально проанализировать жизнь и деятельность представителей российского зарубежья в 1950–1960-х гг. Кроме того, историческая часть исследования может быть использована как основа последующего проведения социологических исследований в отношении потомков казаков, находящихся за рубежом. Эмпирические данные и теоретические выводы, сделанные в диссертации относительно адаптации казаков-иммигрантов в принявших их сообществах, могут быть использованы для создания теоретической модели адаптационного поведения иммигрантов и более четко выявить и представить механизмы адаптации иммигрантов в новой социально-экономической, общественно-политической и культурно-этнической среде.

Практическая значимость диссертационного исследования определена двумя основными факторами. Во-первых, теоретические и эмпирические ре-

зультаты диссертации могут быть использованы при разработке образовательных программ и учебных курсов по новейшей истории России и зарубежных государств, а также специализированных курсов по истории казачества и российской эмиграции. Во-вторых, отдельные положения диссертации могут быть учтены при формировании и проведении политики Российского государства в отношении мигрантов, а также при развитии связей и отношений с представителями Русского мира за рубежом, в частности потомками казаков-эмигрантов.

Апробация диссертационного исследования была проведена в ходе участия в работе 35 научных и научно-практических конференций, в том числе 19 международных, из них 7 зарубежных (Австрия, Армения, Белоруссия (2), Болгария, Великобритания, Венгрия), на которых были изложены основные положения диссертации.

Всего по теме исследования опубликовано: 2 монографии, 1 учебное пособие, 50 статей (из которых 8 опубликованы в зарубежных изданиях – Армении, Белоруссии (2), Болгарии, Великобритании, Венгрии, Грузии, Италии), в том числе 18 статей, входящих в перечень рецензируемых научных изданий, рекомендованных ВАК при Министерстве образования и науки России (из них 2 статьи в журналах, входящих в международную реферативную базу данных Scopus, и 1 статья в журнале, входящем в международную реферативную базу данных Web of Science).

Структура диссертации определена логикой исследования и поставленными задачами.

Работа состоит из введения, четырех глав, состоящих из 11 параграфов, заключения, списка сокращений, списка использованных источников и литературы.

II. ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обосновывается актуальность темы, характеризуется степень ее научной разработанности, обозначены объект и предмет исследования, обоснованы хронологические и географические границы работы, заявлена цель и поставлены задачи исследования, дана характеристика теоретико-методологической и источниковой базы исследования, аргументирована научная новизна диссертации, изложены положения, выносимые на защиту, отражена теоретическая и практическая значимость работы, отмечена апробация результатов исследования, обоснована структура диссертации.

Первая глава диссертации «Методологические, источниковедческие и историографические проблемы казачьего зарубежья» является вводной.

В параграфе 1.1 «Определение казачьего зарубежья как объекта исследования и методологические проблемы его изучения» обращено внимание на отсутствие в историографии общепринятого определения термина «казачество», что порождает методологическую проблему и при определении термина «казачье зарубежье». Определены факторы, затрудняющие выявление сущности казачества. Отмечено, что казачество интерпретируется в диссертации

ционной работе одновременно как этносоциальная и культурно-историческая группа. В рамках проведенного исследования автор использует как социологический, так и политологический подход к определению термина «диаспора». Фиксируя внимание на казачьем зарубежье как объекте исследования, автор определяет его как целостное социально-историческое явление, образуемое казачьими организациями, обществами, объединениями и отдельными казаками, деятельность которых проходила за пределами Российской империи/СССР. Обращено внимание на тот факт, что казачье зарубежье, будучи самостоятельным социально-историческим феноменом, одновременно является составной частью российского зарубежья.

В параграфе 1.2 «Источниковая база по истории казачьего зарубежья» предпринята попытка дать представление об основных центрах размещения документальных материалов и основных публикациях источников по истории казачьего зарубежья. Сделан вывод о том, что по истории казачьего зарубежья имеются в архивах практически всех тех государств, в которых размещались казаки-эмигранты, и где наиболее активно протекала их общественно-политическая, социально-экономическая и культурная деятельность. При этом громадный массив документов по исследуемой проблематике содержится в российских архивах. В процессе анализа источниковой базы автор сосредоточил свое внимание на следующих центрах хранения документов по истории казачьего зарубежья: Государственном архиве РФ, Центральном архиве министерства обороны РФ, Российском государственном архиве социально-политической истории, Архиве внешней политики РФ, региональных российских архивах, Национальном архиве Великобритании, Архиве Югославии, Национальном архиве Чехии, архиве г. Праги, музее Кубанского казачьего войска в г. Хауэлле, Королевском музее армии и военной истории в Брюсселе, Музее русской культуры в г. Сан-Франциско, Архиве Гуверовского института войны, революции и мира при Стэнфордском университете, архиве Свято-Троицкой духовной семинарии в г. Джорданвилле. Не менее значимыми являются личные архивы потомков казаков-эмигрантов. Помимо архивных документов значительную группу источников образуют опубликованные материалы по истории российской эмиграции и казачьего зарубежья¹. Особое внимание обращено на мемуарную литературу и эмигрантскую печать. Отмечено, что характерной чертой эмигрантской печати было наличие как относительно продолжительных изданий (более 5 лет), так и тех, которые насчитывали от 1 до 5 номеров, а также обращено внимание на повышенную политизированность и чрезмерную субъективность большинства эмигрантских печатных органов. Только максимальный охват всего круга данных источников позволяет в значительной степени повысить объективность анализа заявленной проблемы.

В параграфе 1.3 «Историографические проблемы изучения истории казачества за рубежом» анализируются наиболее дискуссионные или недоста-

¹ Русская военная эмиграция 20-х – 40-х годов. Документы и материалы. М., 1998–2016. Т. 1–8; Политическая история русской эмиграции. 1920–1940 гг.: документы и материалы: учебное пособие / под ред. А.Ф. Киселева. М., 1999 и др.

точно изученные проблемы истории казачьего зарубежья. К ним относятся проблемы: определение объекта исследования; выявление численности казачьего зарубежья и его географического размещения; анализ общественно-политической деятельности казачьего зарубежья; репатриация казачества в 1920-е и 1940-е гг.; положение казачества в различных странах, включая политику принимающих государств, процессы адаптации и ассимиляции; анализ коллаборационизма некоторых представителей казачества; взаимоотношения казаков-эмигрантов первой и второй волн; взаимоотношения казаков-эмигрантов с другими представителями российского зарубежья; культурные аспекты деятельности казаков-эмигрантов. Сделан вывод о том, что в 1990-е гг. в российской исторической науке наблюдаются две тенденции: 1) освобождение ее от идеологических штампов и 2) героизация, романтизация, идеализация Белого движения, казачества и эмиграции. Только к началу XXI в. многим исследователям удастся преодолеть проявления второй тенденции и более взвешенно и объективно подойти к анализу научных проблем, связанных с пребыванием казаков-эмигрантов за рубежом.

Наличие широкого круга методологических, источниковедческих и историографических проблем позволяет автору не только принять участие в их исследовании, но и предложить собственные варианты их решения.

Во второй главе диссертации «Казачье зарубежье в 1920–1930-е гг.: формирование и проблемы общественно-политической, социально-экономической и культурной жизни» анализируются причины эмиграции, численность, география расселения и различные аспекты пребывания казаков-эмигрантов за рубежом.

В параграфе 2.1 «Эмиграция казаков за границу: предпосылки, причины, география расселения и численность. Реэмиграция казачества» в качестве основной причины эмиграции части казачества указано поражение антибольшевистского движения в ходе Гражданской войны в России. При этом обращено внимание на многообразие побудительных мотивов и причин частного, порой личностного, характера, побуждавших казаков покинуть родину.

Четко прослеживаются два основных направления выхода казаков за границу – западное и восточное. На запад уходили преимущественно представители казачьих войск европейской части России – донцы, кубанцы, терцы, астраханцы. В восточном направлении двигались казаки Оренбургского, Уральского, Сибирского, Семиреченского, Забайкальского и других казачьих войск. Наибольшее количество казаков, оказавшихся на западе, дала крымская эвакуация в ноябре 1920 г. (около 45 тыс. чел.)¹. В большинстве своем они расположились в Чаталджинском районе Турции (преимущественно донцы) и на греческом о. Лемнос (преимущественно кубанцы). Некоторые казаки оказались за рубежом в результате переплетения нескольких событий. В ходе советско-

¹ ГАРФ. Ф. 6899. Оп. 1. Д. 18. Л. 13 а; Д. 20. Л. 119; Ф. 6461. Оп. 1. Д. 284. Л. 1–2; Ф. 5935. Оп. 1. Д. 18. Л. 54; Траценко А. Численность казачьей эмиграции // Казачья мысль. Прага, 1935. № 1. С. 16; Акулинин И.Г. Оренбургское казачье войско в борьбе с большевиками. 1917–1920. Шанхай, 1937. С. 152.

польской войны часть казаков покинули свои подразделения и были интернированы в Польшу¹. В Польшу попали и казаки других казачьих войск. Часть казаков после разгрома армий генералов Н.Н. Юденича и Е.К. Миллера ушли в Финляндию, Эстонию и Латвию. В Финляндию ушли также и часть казаков, участвовавших в подавлении Кронштадтского восстания. Небольшие группы казаков были в Грузии, Румынии, Германии.

В отличие от казаков, эмигрировавших в европейские государства, в Китай казаки уходили практически на протяжении 1920–1930-х гг. Казаки составляли 17,5% в общей массе российских эмигрантов в Китае². Всего в Китае размещалось более 50 тыс. казаков.

Численный состав казачьей эмиграции в значительной степени изменился в связи с репатриацией казаков. Выделяются периоды преобладания стихийной реэмиграции и организованной. Большую роль в процессе репатриации в разные периоды сыграли французское правительство, комиссариат по делам русских беженцев при Лиге Наций, а так же Союзы возвращения на Родину и им подобные организации. К концу 1920-х гг. репатриация фактически была свернута. К этому времени в европейских государствах находились около 45 тыс. казаков. Большинство из них были размещены в Югославии и Болгарии. Центрами притяжения казаков были также Франция и Чехословакия. В Китае размещалось более 45 тыс. казаков преимущественно представлявших казачество азиатской части России. Некоторое количество казаков оказались в Австралии, США, Канаде, государствах Латинской Америки.

В параграфе 2.2 «Структура и общественно-политическая жизнь казачьего зарубежья в 1920–1930-е гг.» констатируется, что в эмиграции казачество не стало единым социальным организмом. В значительной степени препятствием этому явились противоречия, проявившиеся еще в годы Гражданской войны в России. Одним из главных направлений политического противостояния среди казачьей эмиграции стала борьба между самостийниками и единосудимцами. Среди единосудимцев наибольшей популярностью пользовались идеи федерализма, предусматривавшие определенную самостоятельность казачьих территорий в составе России. Наиболее активными проводниками идей федерализма были казачьи атаманы.

Не менее популярны среди казаков-эмигрантов были и идеи полностью самостоятельного существования казачьих краев и областей. Со временем самостийнические тенденции в эмиграции переродились в мощное вольно-казачье движение (ВКД), которое охватило казаков практически всех казачьих войск бывшей Российской империи. Вольно-казачье движение получило широкое распространение преимущественно среди донцов и кубанцев. Относительно стабильное финансирование ВКД, с одной стороны, способствовало увеличению его количественного состава, с другой стороны, провоцировало (вкуче с честолюбием отдельных лиц, его возглавлявших) борьбу за руководство дви-

¹ Контрреволюционные вооруженные силы за рубежом ... к 1 окт. 1921. М., 1921. С. 16.

² ГАХК. Ф. Р-1128. Оп. 1. Д. 135. Л. 12.

жением. Эта борьба, в конечном счете, привела к распаду ВКД на отдельные группировки.

Казачество испытывало на себе и перипетии политической борьбы, происходившей в российском зарубежье. Здесь борьба велась преимущественно между монархистами, кадетами и социалистами. Отметим, что монархистские идеи были более распространены среди казаков азиатской части России и донских казаков.

В эмиграции помимо монархистов, кадетов, эсеров в казачьей среде появились и новые политические течения. Одни из них были вызваны к жизни новыми взглядами и воззрениями, сложившимися в условиях эмиграции (сменовеховцы, младороссы). Другие появились в силу заимствования политических идей у организаций и партий, получивших распространение в ряде государств (фашисты).

На отношение к казакам-иммигрантам правительств принявших их государств повлияло установление дипломатических отношений с СССР. Находясь на положении иммигрантов в различных странах, казаки часто вынуждены были реагировать на политические события в принимаемых государствах. Известны случаи непосредственного использования военных навыков и умений казаков¹.

Постепенно часть даже активных участников Гражданской войны в эмиграции отходит от общественно-политической жизни, уделяя больше внимания обычным бытовым вопросам, и в первую очередь необходимости обустроиться (пусть и временно) в государствах их приютивших. Большинство казаков привлекали организации, общества и объединения преимущественно социально-экономической и культурной направленности. Многие казаки вообще сторонились политики.

Разнообразие и подвижность политических взглядов среди общественно-политических деятелей казачьего зарубежья определили расплывчатость его социально-политической структуры, для которой была характерна не только многоуровневость, но и многомерность.

В параграфе 2.3 « Казаки-иммигранты в принимающих государствах: социально-экономическая адаптация и культурная жизнь» акцент сделан на социально-экономических и культурных факторах, способствовавших или препятствовавших адаптации казаков в государствах пребывания.

Болгария и КСХС, славянское население которых преимущественно исповедовало православие, были более расположены сравнительно легкой адаптации казаков-иммигрантов. В Сербии казаки нашли наиболее теплый прием со стороны государственных властей.

Одной из особенностей пребывания казаков-эмигрантов в Китае в 1920–1930-е гг. было отсутствие единой государственной политики, в том числе и в отношении эмигрантов. Как следствие – разное правовое положение эмигран-

¹ ГАРФ. Ф. 5963. Оп. 1. Д. 15. Л. 45; ГАКК. Коллекция документов ККВ за рубежом. Пер. 1. Кор. 4. Д. 7-10. Письмо К.К. Улагая – В.Г. Науменко. Тирана, 22.05.1925 г., Приказ по русскому отряду в Албанской армии. № 1. Дебар, 16.12.1924 г.

тов, что влекло за собой определенные особенности условий их социально-экономической жизни. Положение казаков-иммигрантов в Китае усугублялось и злоупотреблениями со стороны местных властей, которые произвольно увеличивали налоги и всячески притесняли иммигрантов¹.

Большинство казаков-эмигрантов были заняты в сфере сельского хозяйства. Многие из них трудились на сезонных работах в составе артелей. Некоторые сумели открыть свое дело, но таковых было крайне мало. Особенно в тяжелом положении оказывались семейные, пожилые и нетрудоспособные казаки. Судьбу рядовых казаков во многом разделяли и атаманы войск (бывшие и избранные в эмиграции). Большинство казаков, осевших в качестве самостоятельных хозяев на земле, часто теряли связь со своими станичниками и однополчанами².

Тот факт, что за границей оказалось достаточно много казаков в возрасте от 20 до 40 лет, способствовал тому, что многие казаки женились в эмиграции, а учитывая небольшой процент женщин-казачек, браки заключались преимущественно с эмигрантами из России или представительницами местного населения. Особенно часто казаки женились на славянских девушках из Болгарии и Югославии.

Несмотря на сложные условия пребывания в эмиграции, казаки уделяли внимание и воспитанию подрастающего поколения.

Отметим громадную роль, которую сыграла в эмиграции церковь. Прежде всего, она выразилась в сохранении национального самосознания казаков. Церковь и вера были нитью, которая связывала казаков с родиной, с их культурой, их предками.

Практически везде, где существовали хотя бы небольшие группы казаков, они объединялись в станицы и хутора. Начавшийся стихийно данный процесс получил впоследствии свое закрепление в Положении об управлении станицами и хуторами за границей, зафиксировавшем цели и задачи данных объединений, главными из которых были: сплочение казачества за рубежом, сохранение казачьих традиций и культуры, оказание правовой, медицинской и материальной помощи³. Чаще всего образованные станицы и хутора носили общеказачий характер. Однако в тех, местах, где было сосредоточено много казаков одного войска, они создавали свои отдельные объединения. Иногда создавались студенческие станицы и хутора. Кроме того, в Китае практиковалось создание казачьих станиц из казаков нескольких поселков.

Низкий образовательный уровень основной массы казачества (около 75%), а также привычка к тяжелому физическому труду облегчали их адаптацию к новым условиям жизни. Среди казаков было гораздо меньше безработных, чем среди других российских эмигрантов⁴.

¹ ГАРФ. Ф. 5963. Оп. 1. Д. 30. Л. 13.

² ГАРФ. Ф. 10003. Оп. 12. Катюшка 15. Кадр 337; НИА. F. Baronessa M.D. Vranghel, 1915–1944. Vox. 14. Folder 1. Письмо Ф. Абрамова – М.Д. Врангель от 24 января 1935 г.

³ ГАРФ. Ф. 6461. Оп. 1. Д. 273. Л. 14.

⁴ Казачьи думы. София, 1923. № 16. С. 21.

Несмотря на в целом невысокий уровень образованности, среди казачьей эмиграции были и представители интеллигенции. К тому же некоторые казаки сумели завершить или получить образование за рубежом¹. Центрами притяжения казачьей интеллигенции до Второй мировой войны являлись Белград, Варшава, Париж, Прага, София, Харбин, Шанхай. Особенно много объединений и обществ казачьей интеллигенции было образовано в Праге, где выходцы из казачьих краев и областей получали всемерную поддержку со стороны чехословацких властей².

Казачья эмиграция дала немало талантливых писателей и поэтов. Почти все их произведения были пронизаны тоской по родине и верой в возвращение домой. Они также пытались понять причины Гражданской войны и поражения антибольшевистского движения, искали свой казачий путь в условиях эмиграции. Многие казаки, не будучи профессиональными историками, обращались к различным историческим сюжетам, преимущественно в той или иной степени связанным с историей казачества³.

Задачу сохранения и распространения исторических знаний о прошлом казачества преследовали Донской казачий архив (ДКА) и исторические комиссии Донского и Кубанского казачьих войск⁴. На противодействие ассимиляции была направлена и деятельность различных культурных обществ и объединений казачества⁵. Порой подобная деятельность финансировалась правительственными структурами принимающих государств.

Составной частью казачьей культуры, с которой имели возможность познакомиться жители государств, принявших казаков, были знаменитые казачьи хоры и группы джигитов, которые покорили своими выступлениями население Европы, Северной и Южной Америки⁶.

Свой вклад в культуру принявших государств внесли также различные актеры, ученые, художники, скульпторы и многие другие деятели культуры и науки, вышедшие из среды казачьего зарубежья.

Анализ процесса адаптации казаков-эмигрантов в 1920–1930-е гг. к условиям существования за рубежом сквозь призму теории аккультурации показал, что для них преимущественно была характерна сепарация, т.е. сохранение своей культуры и традиций. В значительной степени этому способствовало создание казаками за границей своих станиц и хуторов, сохранение православной культуры и войсковой организации. И лишь для небольшой части зарубежного

¹ ГАРФ. Ф. 6473. Оп. 1. Д. 209. Л. 23–24.

² НА. МЗВ-РПА. Kart. 316. Письмо Калмыцкой комиссии культурных работников в ЧСР – МИД ЧСР от 18 августа 1924 г. № 51.

³ Акулинин И.Г. Оренбургское казачье войско в борьбе с большевиками, 1917–1920. Шанхай, 1937; Акулинин И.Г. Уральское казачье войско в борьбе с большевиками // Белое дело. Берлин, 1927. Кн. II. С. 127–147.

⁴ ГАРФ. Ф. 6532. Оп. 1. Д. 81. Л. 179–179 об., 193.

⁵ ГАРФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 879. Л. 1.

⁶ ГАРФ. Ф. 10003. Оп. 12. Катюшка 16. Кадр 190–195; НИА. F. Baronessa M.D. Vranghel, 1915–1944. Box. 14. Folder 22. Различные материалы о генерале И.Д. Павличенко и его группе джигитов.

казачества была характерна ассимиляция, то есть идентификация с культурой принимающего сообщества. В основном это касалось казачек, вступивших в смешанные браки.

В третьей главе диссертации «Проблемы политической ориентации и социально-экономическая жизнь зарубежного казачества в годы Второй мировой войны (1939–1945 гг.)» анализируются политические и социально-экономические проблемы жизни казачьего зарубежья в годы Второй мировой войны, а также участие казаков в войне.

В параграфе 3.1 «Казачье зарубежье: проблемы общественно-политической и социально-экономической жизни» выявлено, что до нападения Германии на СССР многие эмигранты, в том числе и казаки, рассматривали возможность борьбы с советским режимом как своеобразное продолжение Гражданской войны. Такой позиции придерживалось практически все казачество, находившееся за рубежом. Нападение Германии на Польшу поставило казаков-эмигрантов перед необходимостью сделать выбор между Германией (с ее союзниками) и ее противниками (Англией, Францией и др.). Зачастую этот выбор обуславливался местонахождением эмигрантов. Среди некоторых эмигрантов было распространено мнение, что необходимо выполнить долг перед государством, которое им дало приют¹.

Среди казаков, как и в целом в российской эмиграции, в оценке сначала возможного, а затем и реального противостояния между Германией и СССР четко проявилось два направления – «пораженцы» и «оборонцы». Первые видели в агрессии Германии на Восток путь к ликвидации сталинского режима в СССР и всячески желали поражения СССР в данном противостоянии. Вторые отчетливо понимали, что любая иностранная агрессия является угрозой для России в целом, и призывали к защите своей исторической родины. Третью группу составляли те эмигранты, кто занял выжидательную позицию.

Многие казаки были не против возвращения на родину на штыках германской армии. Казаки-националисты не только приветствовали начало войны с СССР и выражали свою преданность Гитлеру, но и активно включились в работу, направленную на реализацию своих целей при поддержке Третьего рейха.

Начавшаяся Вторая мировая война внесла существенные коррективы в общественно-политическую и социально-экономическую жизнь государств. Особенно остро перемены ощутили жители стран, вступивших в войну. Наиболее значительно жизнь российских эмигрантов изменилась после нападения Германии на СССР. На территории государств, оккупированных Третьим рейхом, многие из них были арестованы.

В целом положение иммигрантов было тяжелее, чем положения местного населения. Однако были и исключения из этого правила. Например, в Польше русскоязычное население не подвергалось таким преследованиям, как поляки².

¹ Йованович М. Те, кто за Сталина, и те, кто за Гитлера. Российская эмиграция в Югославии в годы Второй мировой войны // Родина. 2012. № 11. С. 14–15.

² Вельмин А. Русское население в Польше во время немецкой оккупации // Новый журнал. 1946. № 14. С. 296–297.

Не случайно в годы войны можно было увидеть переезд в Польшу некоторых казаков, в том числе из Югославии и Болгарии.

Отметим, что и в годы Второй мировой войны казачьи войска, сохранившие институт атаманства, продолжали жить по своим порядкам. По-прежнему атаманы издавали приказы и распоряжения, производили отличившихся казаков в очередные воинские чины и в целом пытались руководить жизнью войска¹.

Многие казаки были заняты в сфере сельского хозяйства и промышленного производства, и в силу этого дольше оставались востребованными в качестве работников.

Стремление германских властей к унификации в различных областях жизни привело и к объединению ряда казачьих организаций. В 1940 г. было образовано Общеказачье объединение Германской империи.

Созданное в декабре 1942 г. Казачье управление Дона, Кубани и Терека проводило работу по организации воссоединения семей казаков-эмигрантов и казаков, прибывавших в Европу с оккупированных территорий СССР. Параллельно велась работа по получению подробной информации о казаках, оказавшихся за пределами своей родины².

Активное использование казачьих отрядов из казаков оккупированных земель и бывших советских военнопленных, а также расширение сотрудничества с казаками-эмигрантами привело к созданию 31 марта 1944 г. Главного управления казачьих войск (ГУКВ). В то же время сами казаки рассматривали ГУКВ как орган, который будет представлять и защищать их интересы перед германским командованием³.

В несколько ином положении находились казаки, разместившиеся на территории Китая. В социально-экономическом плане их жизнь изменилась мало. Казаки, как и до войны, размещались в станицах и хуторах и занимались в основном земледелием, скотоводством и лесозаготовками⁴. К началу войны большинство казачьих организаций, объединений и обществ, включая станицы и хутора, а также различные казачьи союзы находились под контролем атамана Забайкальского казачьего войска генерала Г.М. Семёнова, возглавлявшего одну из самых крупных организаций – Союз казаков на Дальнем Востоке.

В годы Второй мировой войны не только не прекратилась, но еще более обострилась борьба между различными группировками казачества за рубежом. В первую очередь это борьба между «единонеделимцами» и казаками-националистами. В борьбе со своими оппонентами казаки-националисты опирались на соответствующие структуры Третьего рейха, в частности на гестапо.

¹ ГАКК. Коллекция документов ККВ за рубежом. Пер. 1. Кор. 1. Ед. хр. 1. Выписка из приказа Кубанскому казачьему войску № 64.

² Казачьи ведомости. 1943. № 3. 5 октября. С. 15.

³ На казачьем посту. 1944. № 23. 1 апреля. С. 3.

⁴ Как живут казаки в Маньчжоу-Ди-Го // Дальневосточное казачество. Харбин, 1940. Март. [№ 3]. С. 19–22.

В условиях Второй мировой войны культурная жизнь казачьего зарубежья была практически парализована. Только отдельные представители казачества проявили себя на культурном поприще.

Коренным образом изменилось положение российских эмигрантов, в том числе и казаков, в восточноевропейских государствах с приходом в них советских войск. Польша, Чехословакия, Болгария, Югославия фактически превращались в сателлитов СССР. Советские представители фактически направляли деятельность правительств данных государств по решению вопросов, связанных с российскими эмигрантами. Кроме того, органы советской военной контрразведки СМЕРШ напрямую занимались арестом всех эмигрантов, кто в той или иной мере подозревался в сотрудничестве с немцами. Деятельность органов СМЕРШ отмечалась и в Китае.

В рамках исследования казачьего зарубежья накануне и в годы Второй мировой войны основное внимание было сосредоточено на европейских государствах и Китае. Это объясняется тем, что именно в данных регионах размещалось наибольшее количество казаков. В то же время казаки в силу разного рода причин проживали и на других континентах – в первую очередь в государствах Северной и Южной Америки и в Австралии. Особенность положения казаков-эмигрантов в Австралии, США, Канаде и государствах Латинской Америки определялась их удаленностью как от основных центров казачьего (и российского) зарубежья, так и от центров боевых действий периода Второй мировой войны. В силу этого политическая борьба здесь не проходила так остро, как в Европе и Китае. Хотя здесь также были и «оборонцы», и «пораженцы».

В целом большая часть казачьей эмиграции держалась в стороне от политических баталий и была занята заботами о хлебе насущном.

В параграфе 3.2 «Коллаборационизм и участие казаков во Второй мировой войне» анализируется непосредственное участие казаков-эмигрантов во Второй мировой войне.

Большинство казаков-эмигрантов выступили в поддержку наступления германской армии на СССР. Более того, некоторые казаки рвались принять участие в войне против Советского Союза. Однако первоначально данное рвение не нашло одобрения со стороны руководства Третьего рейха.

Отрицательное отношение германского руководства к использованию сил как российских эмигрантов, так и советских военнопленных привело к тому, что первые воинские части были созданы по инициативе самих эмигрантов, а привлечение военнопленных проводилось только по личной инициативе командиров германских частей и подразделений. В сентябре 1941 г. офицер армейской контрразведки Х. фон Клейст выступил с идеей использования казаков для борьбы с партизанами. 15 апреля 1942 г. Гитлер согласился с использованием казачьих воинских подразделений¹. Определяющими в принятии данного решения были два момента: тяжелое положение германских войск, нуждавших-

¹ Dallin A. German rule in Russia 1941–1945: A study of occupation policies. London; N.Y., 1957. P. 299.

ся в подкреплении, и то, что часть казаков и их лидеров сумели зарекомендовать себя в качестве преданных союзников Третьего рейха.

18 августа 1942 г. была издана директива Верховного командования вермахта № 46, согласно которой казаков планировалось использовать как на фронте, так и в тылу (в борьбе против партизан).

Первоначально набор в казачьи части шел преимущественно из военнопленных. К весне 1943 г. было сформировано около 15 казачьих полков общей численностью 15–20 тыс. чел.¹ Отдельные казачьи подразделения использовались различными спецслужбами Третьего рейха.

Необходимо учитывать, что одной из главных причин согласия большинства военнопленных казаков на сотрудничество с германскими властями было стремление избежать ужасов германских лагерей. Однако среди казаков были и убежденные борцы с советской властью, которые, с точки зрения немцев, показали себя с лучшей стороны.

На территориях оккупированных германскими войсками часть казаков выступили против захватчиков, участвуя в партизанском движении². Были и те, кто с первых же дней прихода фашистов, выказал свою готовность к тесному сотрудничеству с ними. На территориях традиционного проживания казачества оккупационные власти формировали казачьи части из местного населения³. Многие из тех, кто добровольно вступил в ряды казачьих частей вермахта, были убежденными и идейными противниками советской власти и сторонниками «нового порядка». В определенной степени развитию коллаборационизма в казачьих регионах способствовала и проводившаяся здесь политика оккупационных властей. Среди мероприятий германских оккупационных властей на казачьих землях выделим: восстановление института станичных и хуторских атаманов, казачьего самоуправления.

Весной 1943 г. в районе г. Млава (Польша) началось формирование первой крупной регулярной воинской части – 1-й казачьей кавалерийской дивизии. Значительную часть дивизии составляли бывшие советские военнопленные. В дивизию входили казаки практически всех казачьих войск⁴. Дивизия использовалась преимущественно для борьбы с югославскими партизанами.

Значительное количество казаков ушли вместе с оккупантами. По сравнению с предыдущей волной эмиграции было большое количество казаков, уходивших целыми семьями без всякой надежды на возвращение в родные края. Интересен тот факт, что уходили и те, чьи мужья, отцы, братья в это время сражались в рядах Красной армии⁵. Среди основных причин ухода выделим: стремление покинуть государство, которое, по их мнению, было причиной ги-

¹ На казачьем посту. 1943. № 12. С. 4.

² Крикунов П. Казаки. Между Гитлером и Сталиным. М., 2005. С. 216.

³ Линец С.И., Януш С.В. Оборона Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны (июль–декабрь 1942). М., 2010. С. 570.

⁴ На казачьем посту. 1943. № 12. С. 6.

⁵ ЛА Р. Интервью с А.М. Певневым. 27.07.2010, г. Фарминдейл (шт. Нью-Джерси, США).

бели и тяжелого положения значительного количества казаков, а также боязнь новых репрессий¹.

В конце ноября 1943 г. из отступавших казаков был создан так называемый Казачий стан, который, пополнялся и представителями эмиграции. В скором времени германское командование приняло решение о переброске Казачьего стана и казачьих частей в Северную Италию, которая была наводнена итальянскими партизанами.

Практически все казаки (Казачий стан, 15-й Казачий корпус и другие казачьи части) в мае 1945 г. капитулировали перед британскими войсками и были расположены в районе Лиенца.

В несколько иных условиях находились казаки, располагавшиеся в Китае.

После вступления советских войск на территорию Китая основные центры пребывания казачества со временем были ликвидированы.

В четвертой главе диссертации «Структура и проблемы общественно-политической, социально-экономической и культурной жизни казачьего зарубежья в 1945–1960-е гг.» анализируются процессы, протекавшие в казачьем зарубежье после Второй мировой войны.

В параграфе 4.1 «География расселения, миграционные потоки и численность казаков за рубежом после Второй мировой войны. Репатриация казачества» установлено, что в годы Второй мировой войны казаки оказались за рубежом в силу следующих обстоятельств: казаки были вывезены вместе с другими гражданами оккупированных земель СССР в пределы Третьего рейха; казаки оказались за границей в результате плена; казаки добровольно отступали вместе с германскими войсками на Запад, где впоследствии были пленены союзниками СССР по антигитлеровской коалиции.

Впоследствии все оказавшиеся за границей советские граждане, в том числе и казаки, подлежали репатриации. Однако среди них были те, кто не хотел возвращаться в СССР. Особенно много их было среди тех, кто сотрудничал с фашистским режимом. Практически все, кто сумел избежать репатриации, составили вторую волну казаков-эмигрантов из России/СССР.

В ходе первых месяцев репатриации СССР были выданы и некоторые эмигранты первой волны, включая их детей, которые не являлись гражданами СССР и, следовательно, не подпадали под действие упомянутых соглашений и договоров. В целом процесс репатриации растянулся до конца 1960-х гг.

Вторая мировая война и последующие события привели к новым масштабным миграциям казачества. Ключевым моментом в этих перемещениях было стремление большинства казаков уехать как можно дальше от сферы влияния СССР. Наиболее привлекательными для иммиграции после Второй мировой войны являлись США. Привлекала казаков и Австралия. В нее уезжали не только из Китая, но и из европейских государств. Среди государств Южной Америки, принявших казаков, отметим Бразилию, Аргентину, Парагвай и Боливию. Для части казачества, особенно из числа первой волны эмиграции, дан-

¹ ЛА Р. Интервью с Н.В. Дубовским. 01.07.2011, г. Хауэлл (шт. Нью-Джерси, США).

ные государства были привлекательны тем, что в них уже проживали казаки, многие из которых были объединены в станицы и хутора. В целом же переезд на американский континент был обусловлен не только отдаленностью его от СССР, но и тем, что ряд американских государств испытывали нужду в рабочих руках и переезд в них был организован ИРО. Казаки, не сумевшие выбраться из Европы, сосредоточились преимущественно в Бельгии, Великобритании и Франции – государствах, нуждавшихся в рабочих руках и находившихся наиболее отдаленно (из европейских государств) от советской сферы влияния. Кроме того, на своих довоенных местах остались эмигранты, принявшие гражданство данного государства и крепко осевшие в той или иной стране.

Небольшое количество казаков, оказавшихся в советских лагерях, впоследствии выехали из СССР с целью воссоединения со своими семьями¹. Некоторым казакам, обосновавшимся после Второй мировой войны за рубежом, удавалось вызвать к себе из СССР на постоянное жительство свои семьи².

В параграфе 4.2 «Интеграция казаков в социально-экономическую и культурную среду принимаемых государств» анализируется встраивание казаков в принимаемые сообщества. Условия пребывания казаков в различных государствах после Второй мировой войны отличались. Они определялись как социально-экономической обстановкой в данных государствах и политикой их правительств, так и положением самих казаков и их способностью адаптации к жизни в новых условиях.

Отметим тот факт, что некоторые казаки на протяжении 5–7 лет после окончания Второй мировой войны находились в лагерях для перемещенных лиц. При этом положение беженцев в разных лагерях было различным. Так, наиболее благоприятная обстановка была в лагерях для перемещенных лиц в американской и британской зонах Германии³.

Условия пребывания казаков в принимающих государствах определялись влиянием на политику этих государств со стороны СССР. И в этом плане выделяются государства, освобожденные СССР в годы Второй мировой войны, так как именно здесь влияние советского правительства было наиболее значимым, в плане политики местных правительств в отношении казаков-иммигрантов. Репрессий удалось избежать преимущественно тем, кто имел гражданство государств проживания. Они практически не афишировавшие свое казачье происхождение на протяжении второй половины 1940-х – в 1980-е гг. В странах, не входивших в сферу влияния СССР, положение казаков, было не столь опасным, хотя и не менее сложным.

Большинство казачьих организаций ставили основной целью деятельности за рубежом оказание помощи своим членам. Это было одной из причин появления множества новых казачьих объединений сразу после окончания Второй

¹ Клименко А. Казаки за рубежом // Международная жизнь. 1996. № 4. С. 102.

² ГАКК. Коллекция документов ККВ за рубежом. Пер. 1. Кор. 1. Ед. хр. 1. Письмо Г. Голинского – А.В. Бублику. 17.05.1976.

³ Ульянкина Т.И. «Дикая историческая полоса»: иммиграция русских ученых в США из послевоенной Европы // Русский Берлин: 1920–1945. М., 2006. С. 452.

мировой войны. Другой причиной объединения казаков за рубежом было стремление к общению, которое для многих было сложным в инородной, иноязычной среде¹. Казаки второй волны эмиграции активно включились в образование своих станиц и хуторов, а также старались войти в уже созданные казаками – эмигрантами первой волны. Однако количество станиц, хуторов, других объединений казачества и их численность со временем все более и более сокращаются.

В послевоенном мире ни казачье, ни российское зарубежье не имело такой насыщенной общественно-политической и культурной жизни, как в довоенное время. Потеряв надежду на перерождение советского строя, большинство казаков-эмигрантов стали более активно интегрироваться в социальную среду принимающих государств.

После Второй мировой войны казакам стало проще заключать браки внутри казачьей диаспоры, учитывая, что в годы войны за рубежом оказалось довольно много женщин из казачьих краев, а стремление создавать казачьи семьи было сильным. В смешанных семьях казаки старались, чтобы их дети и внуки знали и сохраняли русский язык.

Несмотря на возможности, которые открывались перед иммигрантами в различных государствах, рассчитывать на успех могли преимущественно молодые казаки и их семьи. Некоторым казакам удавалось довольно хорошо поправить свое материальное положение². Наиболее хорошо устраивались те казаки, кто владел иностранными языками или обладал востребованной специальностью.

Особенность положения казачьей эмиграции в Китае после Второй мировой войны была в том, что она не испытала прилива новых групп казаков, прибывших из СССР, как это было в Европе. Поэтому большинство казаков в Китае были российскими эмигрантами первой волны (и их потомками). Почти все они в конце 1940-х – начале 1950-х гг. покинули страну.

Большинство казаков перебрались в Австралию, страны Северной и Южной Америки. Многие казаки рассматривали государства Южной Америки и Австралию как хорошую возможность не только вырваться из Европы, подалее от СССР, но и получить возможность работы на земле.

Одни казаки пытались всячески встроиться в жизнь принимавших их государств, дать своим детям хорошее знание иностранных языков, порой, даже за счет отрыва от родного языка и родной культуры. Другие старались всеми силами сохранить свои традиции, культуру, язык. Более того, стремились, чтобы их сыновья женились на казачках, а дочери выходили замуж за казаков. Нередко жены казаков, взятые не из казачьей среды, приобщались к казачьей культуре и казачьим традициям, в том числе принимая православную веру.

Казачьи семьи, в которых поддерживались традиции и обычаи, сложнее встраивались в ритм принимающих обществ, но зато легче переносили все

¹ Вестник Казачьего Союза. Париж, 1948. № 1. С. 1.

² ГАКК. Коллекция документов ККВ за рубежом. Пер. 1. Кор. 7. Ед. хр. 36. Письмо Г.Н. Хиля – В.Г. Науменко. 12.08.1970.

трудности и невзгоды. В основном это семьи казаков – эмигрантов первой волны. В этих семьях старики в большей степени могли рассчитывать на помощь и поддержку со стороны детей. Большинство одиноких казаков доживали свой срок в домах для инвалидов и престарелых во Франции, Великобритании, Австрии, США.

Культура продолжала быть значимым фактором жизни казачьего зарубежья. В 1950–1960-е гг. можно отметить определенные достижения представителей казачества в области культуры. В этой сфере наблюдались как развитие традиционной культуры казачества, так и вклад в общемировую культуру и науку. Казаки оставили свой след в науке и промышленности принявших их государств¹.

Отметим, что интерес к традиционной казачьей культуре со временем терялся в казачьей среде. Дети казаков, все активнее интегрируясь в жизнь принявших государств, порой плохо владели родным языком и практически не проявляли интереса к своей истории, своему прошлому. Старшее поколение казаков стремилось через воспитательную работу среди казачат сохранять казачью культуру. Однако со временем большая часть молодежи все больше и больше ассимилировалась, теряя свои исторические корни, забывая язык дедов и прадедов и их традиции².

В вопросе о сохранении войсковых традиций и самих казачьих войск в условиях эмиграции большую роль играли личностные качества атаманов.

Анализ процесса адаптации казаков-эмигрантов в 1950–1960-е гг. к условиям существования за рубежом сквозь призму теории аккультурации показал, что для них были характерны две основные стратегии аккультурации – ассимиляция и интеграция. При этом ассимиляция как идентификация себя с новой культурой была более характерна для казаков, ушедших за рубеж после Второй мировой войны, и их потомков, а также для третьего и четвертого поколений казаков – эмигрантов первой волны.

В параграфе 4.3 «Проблемы общественно-политической жизни и структура казачьего зарубежья» анализируются основные элементы структуры казачьего зарубежья и общественно-политическая деятельность его представителей.

Конечно, говорить о какой-либо общественно-политической жизни казаков в восточноевропейских государствах, оказавшихся под контролем СССР, не приходится. Однако и в ряде западных государств первые годы после Второй мировой войны российская эмиграция находилась под пристальным контролем различных советских органов и учреждений. Часть эмигрантов (и их потомков) первой волны воспользовались указами Президиума Верховного Совета СССР о предоставлении советского гражданства. Но далеко не все из них, получив

¹ ГАКК. Коллекция документов ККВ за рубежом. Пер. 1. Кор. 7. Ед. хр. 36. Письмо Г.Н. Хиля – В.Г. Науменко. 12.08.1970; Интервью с Н.Г. Хилем. 30.05.2016, Сочи (Краснодарский край, РФ).

² Каневская Г.И. «Мы еще мечтаем о России...». История русской диаспоры в Австралии (конец XIX в. – вторая половина 80-х гг. XX в.). Владивосток, 2010. С. 146.

советский паспорт, переехали в СССР. Были отдельные случаи, когда казаки-эмигранты не принимали никакого гражданства¹. Решая вопрос о приеме гражданства государства пребывания, казаки беспокоились и о том, как это скажется на их положении в войсковой структуре: «не повлечет ли принятие казаками кубанцами английского подданства исключения их из войсковой организации?»².

После Второй мировой войны Белград, Варшава, Прага, София перестали быть центрами казачьей эмиграции. Большинство российских эмигрантов или ушли на Запад, или были вывезены в СССР. Лишь немногие из них остались в восточноевропейских государствах. Судьбы оставшихся казаков были различны³. В послевоенные годы центром казачества в Европе был Мюнхен. Позже центр общественно-политической деятельности казачества переместился в США, куда со временем переселилась часть казаков из Европы и Китая.

Холодная война пробудила интерес к эмигрантам из СССР. Несомненно, что казачество, которое популяризировало себя как непримиримого противника советской власти, как борец с коммунизмом еще с периода Гражданской войны в России, вызывало интерес у определенных политических кругов Запада. Не случайно уже во второй половине 1940-х гг., находясь на положении перемещенных лиц, казакам удалось наладить выпуск различных печатных изданий как культурно-просветительской, так и общественно-политической направленности. Особую активность проявляли казаки-националисты. Эксплуатировали антикоммунистическую тематику и войсковые казачьи общества, и войсковые атаманы⁴. Наряду с казаками-националистами из числа эмигрантов первой волны, активность проявляли также и некоторые казачьи деятели из послевоенной эмиграции. При этом многие из них были близки по своим идейно-политическим установкам к казакам-националистам⁵.

Старая казачья эмиграция фактически не была единым целым. Практически перестали существовать старые организации, такие как Казачий союз в Париже, Казачий союз в Шанхае, Восточный казачий союз в Харбине, ОСХС, СВК и многие другие казачьи объединения. Многие казачьи войска были обезглавлены, потеряв своих атаманов.

Для многих белых эмигрантов, в том числе казаков, Запад не всегда воспринимался как союзник. У них в памяти были англичане и французы, предавшие, по мнению казаков, их в годы Гражданской войны. Более того, казаки не могли забыть ту роль, которую сыграли Великобритания и США в выдаче казаков в Лиенце, да и в ряде других мест в годы Второй мировой войны. Это по-

¹ ГАКК. Коллекция документов ККВ за рубежом. Пер. 1. Кор. 7. Ед. хр. 36. Письмо Г.Н. Хиля – В.Г. Науменко. 12.08.1970.

² ГАКК. Ф. Р-1864. Оп. 1. Д. 67-1. Л. 5.

³ Антошин А.В. Российские эмигранты в условиях «холодной войны» (середина 1940-х – середина 1960-х гг.). Екатеринбург, 2008. С. 63.

⁴ ГАКК. Коллекция документов ККВ за рубежом. Пер. 1. Кор. 11. Ед. хр. 121. Устав Общества кубанских казаков в США. 22.02.1959.

⁵ ГАКК. Ф. Р-1864. Оп. 1. Д. 76-1. Л. 40.

служило причиной того, что казачество дистанцировалось от участия в некоторых антисоветских организациях, финансируемых представителями Запада.

В условиях распада антигитлеровской коалиции и обострения международных отношений после Второй мировой войны, проявившегося, в частности, в Берлинском кризисе 1948–1949 гг. и войне в Корее 1950–1953 гг., возродились чаяния российских эмигрантов на развязывание борьбы Запада с СССР и последующее свержение советского строя. Более того, часть российской эмиграции пыталась всячески подтолкнуть Запад к конфликту с СССР¹. Визит Н.С. Хрущева в США в сентябре 1959 г. был очередным ударом по надеждам казаков-эмигрантов на единый антисоветский фронт.

Некоторые казаки активно участвовали в политической жизни стран пребывания, особенно США. Так, в 1964 г. многие казаки-националисты голосовали за представителей Республиканской партии. В республиканском национальном комитете в Вашингтоне была создана казачья секция. Представители казачества были также во многих гражданских комитетах, образованных для поддержки кандидатов Республиканской партии США².

В то же время далеко не все казаки стремились участвовать в политической жизни. Отличительной особенностью существования казаков-эмигрантов после Второй мировой войны было желание максимально встроиться в жизнь принявших их государств, адаптироваться и стать полноправными их гражданами. Связано это было с усталостью, накопившейся за годы Второй мировой войны, и желанием пожить спокойной жизнью, а также с неверием в возможность своего возвращения на родину и необходимостью не только устроиться самим, но и создать максимально благоприятные условия для будущего своих детей.

После Второй мировой войны ряд казачьих обществ и объединений продолжал активно контактировать с различными общероссийскими обществами, объединениями и организациями. Преимущественно это были совместные балы, вечера и взаимные поздравления с различными праздниками. Однако порой проводились и мероприятия общественно-политического характера³. В то же время большинство казаков по-прежнему дистанцировались от вступления в различные общероссийские эмигрантские организации.

После Второй мировой войны были неоднократные попытки некоторых деятелей и отдельных групп казаков выступить в качестве центра собирания всего казачества, а не только одного определенного войска.

Учитывая, что многие казаки активно пытались встроиться в жизнь принявших их государств, и в силу социально-экономических причин все более выпадали из жизни казачьего зарубежья, войсковые атаманы казачьих войск за рубежом искали различные механизмы и инструменты сохранения своих

¹ МККВ. Ф. Кубанское казачье войско за рубежом. Обращение С.К. Бородина к казакам. 1953 г. С. 1.

² Казаки в выборах США // Казакия. Мюнхен, 1964. № 11. С. 11.

³ ГАКК. Коллекция документов ККВ за рубежом. Пер. 1. Кор. 6. Ед. хр. 28. Письмо С.Н. Ряснянского – В.Г. Науменко. 14.10.1967.

Войск. Отход ряда казаков от жизни Войска и новые условия существования казаков за границей привели к такому явлению, как активное участие в жизни войсковых казачьих организаций женщин.

В целом, общественно-политическая жизнь казачьего зарубежья в 1945–1960-е гг. определялась в значительной степени противостоянием двух социально-политических систем, известным как холодная война. При этом вопрос о возвращении в родные края, если и стоял, то только как очень отдаленная перспектива, а большинство дискуссии в казачьей среде потеряли свою актуальность.

В заключении подводятся итоги исследования.

Конкретизация казачьего зарубежья в качестве объекта исследования сталкивается с рядом методологических проблем, таких как: происхождение казачества, определение сущности казачества, раскрытие понятий «казачье зарубежье» и «зарубежное казачество» и т.д. Констатация факта, что, находясь за пределами своей исторической родины, казаки сумели в определенной степени сохранить ряд традиционных социальных институтов (пусть и переживших определенную трансформацию в условиях эмигрантского бытия), позволяет определять казачество за рубежом в качестве самостоятельного социально-исторического феномена, для которого вполне приемлемо использование таких терминов как казачье зарубежье и диаспора.

Источниковая база исследования широка и разнообразна как по типовому и видовому составу источников, так и по географии их размещения. Практически в большинстве государств, где находились казаки, можно встретить документы, связанные с их пребыванием в данной стране. В тоже время наиболее крупными архивохранилищами, содержащими документы по истории казачьего зарубежья, являются Государственный архив Российской Федерации и Государственный архив Краснодарского края.

Наименее изученными и наиболее дискуссионными среди историографических проблем в рамках обозначенной тематики, являются: определение численности казачьего зарубежья, участие казаков во Второй мировой войне, взаимоотношения казаков-эмигрантов с другими представителями казачьего зарубежья, адаптационные процессы и культурная жизнь казаков в государствах пребывания после Второй мировой войны.

В рамках данного исследования анализировались две основные волны эмиграции казаков. Первая волна была связана с революционными событиями и последующей Гражданской войной в России. Однако революция и Гражданская война создали лишь предпосылки для эмиграции части населения России. В качестве основной причины эмиграции явилась не сама война, а поражение антибольшевистского движения и наличие среди казачьего населения значительного количества людей не согласных с политикой проводимой большевиками. Политика эта порой заключалась в проведение ряда мероприятий (в том числе и репрессивного характера), направленных на так называемое расказачивание населения казачьих краев и областей. Одним из побудительных мотивов к эмиграции казаков был страх перед последующими репрессиями уже победившей со-

ветской власти. Отметим и элемент случайности и субъективности в принятии решения об эмиграции. В частности, он выражался в том, что одни казаки и их семьи, в силу различных обстоятельств, в большей степени пострадали от красного террора, а другие – от белого.

Четко выделяются два основных потока первой волны казачьей эмиграции. Один двигался на запад, другой на восток. Первый образован преимущественно донскими, кубанскими, терскими и астраханскими казаками. Основная их масса (около 45 тыс. чел.) эвакуировалась в ноябре 1920 г. с остатками Русской армии генерала П.Н. Врангеля и была размещена на греческом острове Лемнос и на европейской части Турции. Еще около 10 тыс. казаков оказались на Западе другими путями. Первыми государствами их принявшими стали Грузия, Польша, Финляндия, Египет. Впоследствии казаки разместились преимущественно в Болгарии, Югославии, Чехословакии и Франции. Отдельные небольшие группы казаков были в Германии, Греции, Польше, Румынии и в ряде других европейских государств и стран Ближнего Востока. Второй поток образовали преимущественно казаки Азиатской части России. Практически все они (около 50 тыс. чел.) ушли первоначально в Китай. Лишь небольшие группы казаков оказались в Корее, Японии, Австралии.

Процесс репатриации казаков начался вскоре после эмиграции. Из европейских государств казаки возвращались примерно до 1929 г. При этом можно выделить как этапы стихийной (никем не организованной) репатриации, так и этапы организованные французским и советским правительствами. За этот период времени в Россию вернулось более 15 тыс. казаков. В Китае процесс репатриации проходил и в 1930-е гг., хотя, основная масса казаков вернулись на родину в 1920-х гг. Таким образом, в 1930-е гг. за рубежом находилось около 40 тыс. казаков в европейских государствах и странах Ближнего Востока и более 40 тыс. казаков в Азиатско-Тихоокеанском регионе (преимущественно в Китае).

Вторая волна казачьей эмиграции пришлась на годы Второй мировой войны. Основные причины, по которым казаки оказались за границей в годы Второй мировой войны, следующие: казаки были вывезены вместе с другими гражданами оккупированных земель СССР в пределы Третьего рейха; казаки оказались за границей в результате плена; казаки добровольно отступали вместе с германскими войсками на Запад. Хотя побудительных мотивов к принятию решения остаться за рубежом было гораздо больше, но довлел над большей массой казаков один основной мотив – боязнь очередной волны репрессий со стороны советской власти. Репрессий боялись и вывезенные на работу в Германию, и оказавшиеся в плену, и те, кто находился на оккупированной немцами территории, и, конечно, те, кто с оружием в руках воевал на стороне гитлеровской Германии. Среди тех, кто остался за рубежом в результате Второй мировой войны, были преимущественно донские и кубанские казаки (всего более 50 тыс. чел.). Вторая волна эмиграции шла только в западном направлении. Особенностью второй волны эмиграции казаков был тот факт, что в ней про-

цент женщин и детей был значительно выше, чем среди казаков-эмигрантов первой волны.

Первое послевоенное десятилетие было отмечено новой волной репатриации. В отличие от довоенной репатриации, она проходила организованно и носила не только добровольный, но и насильственный характер. Правда, небольшое количество казаков, насильственно вывезенных в СССР, после отбытия срока наказания в лагерях воспользовались возможностью опять выехать за рубеж. Однако их количество было незначительным.

Вторая мировая война и вызванные ею процессы (миграция, репатриация) повлияли не только на изменение количественного и качественного состава казачьего зарубежья, но и привели к изменению географии расселения казачества. Главное отличие географии казачьего зарубежья до Второй мировой войны и после ее окончания определялось одним значимым фактором. До Второй мировой войны казаки-эмигранты жили надеждой на скорое возвращение в родные края и старались держаться ближе к российским (советским) границам. После окончания Второй мировой войны казаки, боясь насильственного возвращения на родину, стремились обосноваться как можно дальше от границ СССР. В то же время география расселения казаков-эмигрантов определялась и политикой принимающих государств. В силу этого до Второй мировой войны казаки размещались преимущественно в Болгарии, Китае, Югославии, Чехословакии и Франции, после ее окончания – в США, Канаде, Австралии, Бразилии, Аргентине, Боливии, Парагвае и Чили.

Социально-экономические, политические и правовые условия пребывания казаков за рубежом определялись преимущественно законами, социально-экономической обстановкой и политикой принявших их государств. Например, Королевство сербов, хорватов, словенцев и Чехословакия были своеобразными образовательными и культурными центрами казачьего зарубежья, в силу помощи, которую правительства данных государств оказывали учащимся казакам. При этом и между ними были различия. Так, в КСХС приветствовались монархически настроенные круги российской (в том числе и казачьей) эмиграции. В свою очередь, в ЧСР правительство было более благосклонно к эмигрантским организациям и лицам, которые придерживались эсеровских взглядов. Естественно, что данные тенденции определялись преимущественно внутривнутриполитической ситуацией в данных государствах.

До Второй мировой войны в большинстве государств казаки были заняты преимущественно в сфере сельскохозяйственного производства. Особенно это было характерно для Чехословакии. В Болгарии многие казаки-эмигранты трудились в рудниках, шахтах, портах, а в Югославии они были задействованы на постройке железных и шоссейных дорог, мостов, линий электропередач. Во французских городах казаков-эмигрантов можно было встретить во всех сферах городской инфраструктуры. После Второй мировой войны также наблюдалось стремление основной массы казаков получить работу связанную с сельским хозяйством, хотя, далеко не всегда это им удавалось. Так, в Великобритании и Бельгии казаки трудились преимущественно на рудниках, в шахтах и на про-

мышленных предприятиях. Отметим, что определенной части казаков удалось крепко встать на ноги, обзавестись собственным хозяйством или наладить свой бизнес.

В силу различных факторов некоторые эмигранты подверглись ассимиляции и аккультурации. Наиболее значительными эти процессы были в славянских государствах (Болгарии, КСХС, Польше и ЧСР). В первую очередь это определялось близостью культур данных государств и казачества. Способствовал ассимиляции и тот факт, что почти 90% казаков-эмигрантов составляли мужчины, большинство из которых были холостыми. Женившись на местных уроженках, они постепенно утрачивали свои традиции, перенимая местные обычаи. Хотя чаще случалось, что, напротив, их жены приобщались к культуре и традициям казаков.

Иногда политика государств, принявших казаков-иммигрантов, определялась внешними факторами. Так, например, Болгария приняла воинские контингенты Русской армии генерала П.Н. Врангеля преимущественно под нажимом французского правительства. Зачастую политика государств в отношении российских иммигрантов (в том числе и казаков) определялась их взаимоотношениями с советским государством. Наиболее яркий пример – политика Болгарии, Югославии, Чехословакии в отношении российских иммигрантов после Второй мировой войны.

За границей казаки создали множество культурно-бытовых и общественно-политических организаций. При этом, если первые чаще способствовали сплочению казачества за рубежом, то вторые – приводили к политическим разногласиям, распрям и, как следствие, к расколу в казачьей среде, хотя большинство из них выступали за объединение казачьих сил в условиях эмиграции. Среди казаков-эмигрантов были представители и сторонники практически всех политических партий и направлений от монархистов до социалистов. В руководящие органы различных казачьих объединений, организаций, обществ входили преимущественно лица, которые занимались активной общественно-политической деятельностью еще в России. Большинство простых казаков были аполитичны и инертны в плане общественно-политической жизни. В значительной степени это было определено условиями и трудностями жизни на положении иммигрантов.

В эмиграции значительное развитие получило так называемое вольно-казачье (националистическое) движение, представлявшее собой одну из разновидностей самостийничества, зародившегося и получившего развитие еще в годы революции и Гражданской войны в ряде казачьих регионов. Однако в годы Гражданской войны наиболее яркими самостийниками были представители черноморского казачества, в то время как за рубежом его поддерживало немало донцов. Были казаки-националисты и среди представителей других казачьих войск. В годы Второй мировой войны вольно-казачье движение получило распространение в форме казачьего национализма. Отметим, что после окончания войны казачье национальное движение получило значительную подпитку со стороны второй волны эмиграции казаков из СССР.

Разногласия по политическим вопросам порой заставляли казаков искать другие факторы, способствующие сплочению и объединению их за рубежом. И такими факторами стали казачья культура и казачьи традиции. Нависшая угроза ассимиляции и трудности, сопровождавшие жизнь казаков-эмигрантов, также заставляли их искать спасение в сплочении казачьих рядов. Именно это и позволило им сохранить самобытность и не раствориться в среде российской эмиграции и среди народов принимающих государств. До Второй мировой войны это им удалось в большей степени. После окончания войны процессы аккультурации и ассимиляции казаков-иммигрантов стали набирать значительные обороты. Данное явление было связано преимущественно с тем фактом, что после окончания Второй мировой войны большинство казаков уже не верили в возможность возвращения в родные края и пытались влиться в структуру принимающих их сообществ. Детям пытались привить язык принявшего их государства, а также дать образование в местных школах. В то время, как до Второй мировой войны большинство казачьих детей получали образование в образовательных учреждениях, созданных русскими иммигрантами.

После Второй мировой войны казачья диаспора представляется менее спаянной и сплоченной, но все же определенная часть казаков-эмигрантов стремились поддерживать связь между собой. В значительной степени этому способствовал сохранившийся институт атаманства, а также различные общественно-культурные и общественно-политические организации зарубежного казачества. Именно благодаря наличию в эмиграции данных институтов у донских и кубанских казаков им удалось сохраниться как центрам казачьей диаспоры вплоть до настоящего времени.

Характерна и сама войсковая организация казачеств России. До революционных событий и Гражданской войны (1917–1920 гг.) казачьи войска Российской империи представляли собой уникальные социально-политические и социально-экономические организмы, которые органично были встроены в словную структуру российской монархии. Четко выделяются несколько основных причин определивших стремление рядовых казаков и атаманов сберечь войсковую организацию казачьего сообщества. Во-первых, исторически почти все казачьи сообщества изначально возникали и развивались в форме войсковых организаций. Не случайно, войсковая структура казачьего сообщества в значительной степени была одной из важных составляющих казачьего самосознания. В эмиграции значимость ее стала еще более важной для сохранения казачества как социально-исторического явления. Во-вторых, как в среде российской эмиграции, так и среди казаков проявился механизм своеобразной консервации в сознании образа дореволюционной России со всеми ее атрибутами и символикой. В-третьих, войсковая организация казачьих обществ стала своеобразным центром, объединившим значительную часть казаков-эмигрантов.

Важную роль играл в среде казачьего зарубежья и институт атаманства. Его важность и значимость в организации казачьего сообщества за рубежом и функционировании в последующем казачьей диаспоры подтверждаются тем фактом, что на протяжении XX в. более жизнеспособными оказались те казачьи

войска, которые сумели сохранить данный институт, пусть и в несколько трансформированной форме. В качестве наиболее яркого примера в этом плане являются Кубанское и Донское казачьи войска. Институт атаманства в казачьем зарубежье сохранил свои основные черты и функции – выборность атаманской должности, руководящую роль атаманов и их представительные функции.

Третий институт, характерный для казачьего зарубежья, выражался в станичной и хуторской форме социально-бытовых объединений казаков, каковыми являлись станицы и хутора. Они создавались казаками в местах их проживания. При этом сосредоточение в одном месте относительно значительного числа представителей различных казачьих войск, приводило к их объединению по войсковому принципу – донские, кубанские, сибирские, амурские станицы и хутора. Однако чаще всего казаки объединялись в общеказачьи станицы. В них могли входить не только природные казаки, но и выходцы из казачьих регионов. Подобная тенденция была особенно характерна для послевоенного периода жизни казачьего зарубежья. Значимость станиц и хуторов для казаков-эмигрантов косвенно определяется тем, что они создавались массово и первоначально стихийно. И только позже Положение об управлении станицами и хуторами за границей закрепило и официально утвердило данный процесс. Основной целью создания станиц и хуторов было объединение и сплочение казаков за границей. В целом данный институт способствовал не только общению, адаптации и взаимопомощи казаков, но и сохранению казачьих обычаев, обрядов и культуры вдали от своей родины.

Уставы казачьих объединений были ориентированы на законодательство тех государств, в которых они зарегистрированы. Этим же законодательством и потребностями казачьих обществ и объединений определены и основные направления их деятельности.

Наиболее значимыми отличительными факторами структуры казачьего зарубежья были: войсковая принадлежность, институт атаманства и казачьи объединения в виде станиц и хуторов. Данные факторы, с одной стороны, способствовали адаптации казаков-иммигрантов в принимаемых государствах, с другой – они же являлись препятствием для интеграции казаков в принимаемые сообщества. Практически все основные и значимые для казачества институты были трансформированы в процессе эволюции казачьего сообщества за рубежом. Определенную трансформацию претерпело и само казачество.

Консервация в сознании эмигрантов представлений о прежней дореволюционной России привела к сохранению за рубежом остатков сословных представлений среди казаков. Помимо сословных представлений гипертрофированные формы приобрела и этническая составляющая, которая выразилась в националистических тенденциях среди части зарубежного казачества. При этом между казачьим национализмом и претензиями на самостоятельное существование казачьих краев была некая взаимообусловленность. Крайним выражением этих тенденций стал своеобразный социально-политический проект – создание Казакии – земли-государства казаков.

Общее историко-культурное прошлое было основным фактором единения казачества за рубежом, включая сближение казаков из СССР с теми, кто к концу Второй мировой войны проживал за пределами исторической родины.

Несмотря на определенные уникальные черты и характеристики, казачество за рубежом может и должно рассматриваться как составная и неотъемлемая часть российского зарубежья. Во-первых, данный подход позволяет в полной мере выявить общие и особенные черты казачьего и российского зарубежья. Во-вторых, роль и значение казачества в истории принявших его государств определялись преимущественно теми же факторами, что и роль российских иммигрантов в целом. Исключение составляет период Второй мировой войны, когда в силу политики правящих кругов Третьего рейха казачество стало рассматриваться ими как самостоятельное явление, имеющее отличительные от российского зарубежья черты.

Вторая мировая война стала своеобразным водоразделом двух этапов пребывания казаков за рубежом. Эти этапы различались географией расселения казаков-эмигрантов, половозрастным составом, процессами адаптации, интеграции, аккультурации и ассимиляции, протекавшими в казачьей среде. В отличие от 1920–1930-х гг. в 1950–1960-е гг. почти все казаки стали гражданами принявших их государств. Их дети, внуки и правнуки в большинстве своем отождествляли себя с государством пребывания, порой забывая историю и язык предков.

В заключении отметим тот факт, что казачье зарубежье 1920–1960-х гг. представляло уникальное социально-историческое явление, будучи одновременно составной частью российского зарубежья. Оно оказало влияние на различные факторы жизни принявших его государств, оставив определенный след в их истории.

ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ ДИССЕРТАЦИИ ИЗЛОЖЕНЫ В СЛЕДУЮЩИХ ПУБЛИКАЦИЯХ:

Монографии:

1. Ратушняк О.В. Казачество в эмиграции (1920–1945 гг.). Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2013. 246 с. (14 п.л.).
2. Ратушняк О.В. Казачье зарубежье в 1940–1960-е гг. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2017. 300 с. (16,2 п.л.).

Статьи, опубликованные в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных ВАК при Минобрнауки России:

3. Ратушняк О.В. Казачество Юго-Востока Европейской части России в первый год своей эмиграции (1920–1921 гг.) // Историческая и социально-образовательная мысль. Краснодар, 2013. № 1 (17). С. 31–39 (1 п.л.).

4. Ратушняк О.В. Участие казачества во второй мировой войне на стороне Германии // Теория и практика общественного развития. Краснодар, 2013. № 3. С. 125–129 (0,5 п.л.).
5. Ратушняк О.В. Кубанское казачество в эмиграции (1920–1939 гг.) // Историческая и социально-образовательная мысль. Краснодар, 2013. № 4 (20). С. 34–41 (1 п.л.).
6. Ратушняк О.В. Терские и астраханские казаки в эмиграции (1920–1939 гг.) // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 2013. № 3. С. 242–245 (0,5 п.л.).
7. Ратушняк О.В. Третий Рейх и казачество: к вопросу о взаимоотношениях в годы второй мировой войны // Былые годы. Российский исторический журнал. Сочи, 2013. № 3. С. 101–106 (0,9 п.л.).
8. Ратушняк О.В. Адаптация казаков-эмигрантов к жизни в зарубежье (1920–1960-е гг.) // Историческая и социально-образовательная мысль. Краснодар, 2014. № 6. Ч. 2. С. 156–158 (0,3 п.л.).
9. Ратушняк О.В. Казачье зарубежье и церковь // Культурная жизнь Юга России. Краснодар, 2014. № 4. С. 67–69 (0,3 п.л.).
10. Ратушняк О.В. Казаки в Англии в 1920-е – 1970-е гг. // Теория и практика общественного развития. Краснодар, 2015. № 3. С. 97–99 (0,4 п.л.).
11. Ратушняк О.В. Источники по истории и культуре казачьего зарубежья в Государственном архиве Краснодарского края // Отечественные архивы. 2015. № 2. С. 63–70 (0,5 п.л.).
12. Ратушняк О.В. Казаки-эмигранты в Чаталджинских лагерях в 1920–1921 гг. // Известия Сочинского государственного университета. 2015. № 1 (34). С. 58–63 (0,5 п.л.).
13. Ратушняк О.В. Культура казачьего зарубежья (1920–1930-е гг.) // Культурная жизнь Юга России. Краснодар, 2015. № 2. С. 52–56 (0,4 п.л.).
14. Ратушняк О.В. Церковь и исторические знания как элементы воспитания подрастающего поколения и сохранения национального самосознания казаков в условиях эмиграции // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия II: «История. История Русской Православной Церкви». 2015. Вып. 3 (64). С. 77–87 (0,8 п.л.).
15. Ратушняк О.В. История казачьего зарубежья в российской историографии // Вестник Томского государственного университета. Серия: История. 2015. № 4 (36). С. 119–127 (0,8 п.л.).
16. Ратушняк О.В. Репатриация казаков-эмигрантов из Европы в 1920-е гг. // Российская история. 2015. № 5. С. 157–164 (0,75 п.л.).
17. Ратушняк О.В. К вопросу о деятельности В.Г. Науменко после Второй мировой войны // Научная мысль Кавказа. Ростов н/Д, 2015. № 3. С. 152–158 (0,6 п.л.).
18. Ратушняк О.В., Верардо Ф. Казачья эмиграция в годы Второй мировой войны в зарубежной историографии // Теория и практика общественного развития. Краснодар, 2015. № 19. С. 142–145 (Ратушняк О.В. – 0,2 п.л.; Верардо Ф. – 0,2 п.л.).

19. Ратушняк О.В., Темиров С.Г. «Мы исполнили свой долг до конца»: Переписка В.Г. Науменко и Г.Н. Хиля... // Исторический архив. 2016 № 3. С. 86–107 (Ратушняк О.В. – 0,8 п.л.; Темиров С.Г. – 0,5 п.л.).

20. Ратушняк О.В. Казачье зарубежье в 1945–1960-х гг. // Историческая и социально-образовательная мысль. Краснодар, 2016. Т. 8. № 3. Ч. 2. С. 59–68 (1,0 п.л.).

Основные публикации в других научных изданиях:

21. Ратушняк О.В. История кубанских казаков в эмигрантской казачьей периодике // Из дореволюционного прошлого кубанского казачества: сб. науч. тр. Краснодар: Изд-во КубГУ, 1993. С. 172–180 (0,5 п.л.).

22. Ратушняк О.В. Общеказачий сельскохозяйственный союз: образование, цели и задачи, деятельность (1921–1923 гг.) // Проблемы историографии и истории Кубани: сб. науч. тр. Краснодар: Изд-во КубГУ, 1994. С. 188–198 (0,7 п.л.).

23. Ратушняк О.В. Южнороссийское казачество в первый год своей эмиграции // Проблемы истории казачества: сб. науч. тр. Волгоград: Изд-во Волгогр. гос. ун-та, 1995. С. 132–149 (1,0 п.л.).

24. Ратушняк О.В. Кубанцы в эмиграции (1920–1939 гг.) // Вопросы отечественной истории: сб. науч. тр. Краснодар: Изд-во КубГУ, 1995. С. 78–87 (0,5 п.л.).

25. Ратушняк О.В. Судьбы российского казачества в эмиграции (1919–1939 гг.) // Дискуссионные вопросы российской истории: материалы второй научно-практической конференции (г. Арзамас, 30–31 мая 1995 г.). Арзамас: Арзамасск. гос. пед. ин-т, 1995. С. 221–225 (0,3 п.л.).

26. Ратушняк О.В. Особенности культурно-бытового уклада казачьего зарубежья // Российское Зарубежье: история и современность / под ред. А.В. Квакина, В.Н. Расторгуева, А.В. Серегина, Э.А. Шулеповой. М.: Рос. ин-т. культурологии, 1998. С. 34–40 (0,4 п.л.).

27. Ратушняк О.В. Вольно-казачье движение за рубежом (1920–1930-е гг.) // Клио: журнал для ученых. СПб., 1999. № 2 (8). С. 212–217 (1 п.л.).

28. Ратушняк О.В. Казаки-эмигранты в Европе (1920-е гг.) // Из истории стран Запада в новейшее время: сб. науч. тр. Краснодар: Кубан. гос. ун-т, 1999. С. 6–20 (0,8 п.л.).

29. Ратушняк О.В. Культурное наследие казачьей эмиграции // Зарубежная Россия. 1917–1939 гг.: сб. ст. СПб.: Лики России, 2000. С. 272–278 (0,4 п.л.).

30. Ратушняк О.В., Худобородов А.Л. Расселение и организация казачества за рубежом // Очерки традиционной культуры казачеств России / под общ. ред. Н.И. Бондаря. Краснодар: ЭДВИ, 2005. Т. 2. С. 550–559 (Ратушняк О.В. – 0,3 п.л.; Худобородов А.Л. – 0,2 п.л.).

31. Ратушняк О.В., Худобородов А.Л. Общественно-политические искания казачьего зарубежья // Очерки традиционной культуры казачеств России

/ под общ. ред. Н.И. Бондаря. Краснодар: ЭДВИ, 2005. Т. 2. С. 559–569 (Ратушняк О.В. – 0,3 п.л.; Худобородов А.Л. – 0,2 п.л.).

32. Ратушняк О.В., Худобородов А.Л. Культурное наследие казачьей эмиграции // Очерки традиционной культуры казачеств России / под общ. ред. Н.И. Бондаря. Краснодар: ЭДВИ, 2005. Т. 2. С. 569–577 (Ратушняк О.В. – 0,3 п.л.; Худобородов А.Л. – 0,2 п.л.).

33. Ратушняк О.В. Казаки в Чаталджинских лагерях и на Лемносе // Кубанский сборник: сборник научных статей по истории края / под ред. О.В. Матвеева. Краснодар: ООО «Книга», 2006. Т. 1 (22). С. 195–209 (0,7 п.л.).

34. Ратушняк О.В. Кубанцы в эмиграции // Атаман В.Г. Науменко и его «Хроника». Краснодар: ОИПЦ «Перспективы образования», 2006. С. 7–27 (1,0 п.л.).

35. Ратушняк О.В. К вопросу о географическом размещении казаков и казачьих объединений в эмиграции в 1920–1930-е годы // Историко-географический сборник. Краснодар: ООО «Картика», 2007. Вып. 1. С. 298–301 (0,4 п.л.).

36. Ратушняк О.В. Церковь в жизни казаков-эмигрантов // Дело мира: очерки истории культуры и православия на Кубани. Краснодар: Традиция, 2009. С. 140–143 (0,3 п.л.).

37. Ратушняк О.В. Кубанцы за рубежом // История Кубани с древнейших времен до конца XX века: в 2 ч. Краснодар: Перспективы образования, 2011. Ч. 2: С 1917 г. до конца XX века. С. 34–65 (2 п.л.).

38. Ратушняк О.В. Историография казачьего зарубежья // Российское казачество: история, проблемы возрождения и перспективы развития: материалы Всероссийской заочной научно-практической конференции (г. Краснодар, октябрь 2011 г.) Краснодар: Традиция, 2012. С. 74–83 (0,6 п.л.).

39. Ратушняк О.В. Казаки-эмигранты в Польше в первой половине 1920-х гг. // Мир славян Северного Кавказа. Краснодар: ЭдвИ, 2013. Вып. 7. С. 211–218 (0,4 п.л.).

40. Ratushnyak O.V. The Cossacks on the side of the Third Reich (1939–1945) // 3rd International Scientific and Practical Conference “Science and Society”. Stevenage, UK, 2013. Vol. 1. P. 223–236 (0,8 п.л.).

41. Ратушняк О.В. Эмиграция части казаков. Жизнь за рубежом 1920–1930-е гг.) // История кубанского казачества / под ред. В.Н. Ратушняка. Краснодар: Традиция, 2013. С. 219–230 (0,9 п.л.).

42. Ратушняк О.В. Кубанцы в эмиграции // Кубанский сборник: сб. науч. статей и материалов по истории края. Краснодар: Книга, 2014. Т. V (26). С. 211–226 (0,9 п.л.).

43. Ratushnyak O.V. Cossack emigrants in Bulgaria (1920–1930) // Anthropology, archaeology, history and philosophy. Conference proceedings (Albena, September 3–9, 2014). Sofia: STEF92 Technology Ltd., 2014. P. 467–472 (0,5 п.л.).

44. Ратушняк О.В. Адаптация эмигрантов в принимающих обществах на примере казачьей эмиграции XX в. // Этнос и общество в контексте международных отношений: материалы Всероссийской научно-практической кон-

ференции (г. Краснодар, 10 декабря 2014 г.). Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2014. С. 371–379 (0,4 п.л.).

45. Ратушняк О.В. Казаки-эмигранты (в Грузии): к вопросу взаимоотношений // *Civilization researches*. Tbilisi, 2013. № 11. Р. 115–122 (0,76 п.л.).

46. Ратушняк О.В. Казачье зарубежье как социально-исторический феномен всемирной и российской истории // *Запад и Восток в контексте мировой истории (новое и новейшее время): сб. науч. тр.* Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2015. С. 27–37 (0,5 п.л.).

47. Ratushnyak O.V. The Cossack émigré as sociohistoric phenomenon: formation, migration and activities // *Main issues of pedagogy and psychology*. Yerevan, 2015. № 2. Р. 142–149 (0,5 п.л.).

48. Ратушняк О.В. Науменко (1883–1979) – атаман Кубанского казачьего войска за рубежом // *Люди и судьбы Русского Зарубежья*. М.: ИВИ РАН, 2016. Вып. 3. С. 260–277 (1,1 п.л.).

49. Ратушняк О.В. Казачество в России и за рубежом в XX – начале XXI в.: проблема определения объекта исследования // *Российское научное зарубежье: люди, труды, институции, архивы: сб. науч. тр. / отв. ред. П.А. Трибунский*. М.: Институт российской истории РАН, 2016. С. 248–253 (0,4 п.л.).

50. Ratushnyak O.V., Verardo F. I cosacchi e il Terzo Reich. Il collaborazionismo cosacco nella Seconda Guerra mondiale // *Qualestoria*. Trieste, 2016. Anno XLIV, № 2. Р. 73–106 (Ratushnyak O.V. – 1,5 п.л.; Verardo F. – 1,5 п.л.).

51. Ратушняк О.В. Зарубежные коллекции документов по истории казачьей эмиграции // *Актуальные проблемы стран Запада и Востока в Новое и Новейшее время: сб. науч. тр.* Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2017. С. 54–66 (0,5 п.л.).

52. Ратушняк О.В. Казачье зарубежье в 1920 г. – начале XXI в. // *The Centenary of the 1917 Russian Revolution(s): Its Significance in World History: International Conference on Russian and Soviet History (Budapest, May 15–16, 2017)*. Budapest, 2017. Р. 282–289 (0,4 п.л.).

Ратушняк Олег Валерьевич

**КАЗАЧЬЕ ЗАРУБЕЖЬЕ КАК СОЦИАЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ
ФЕНОМЕН: ОБРАЗОВАНИЕ, СТРУКТУРА, ПРОБЛЕМЫ
ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ, СОЦИАЛЬНО-
ЭКОНОМИЧЕСКОЙ И КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ (1920–1960-е гг.)**

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
доктора исторических наук

Подписано в печать 16.03.2018 г. Формат 60 x 84 1/16.
Печать цифровая. Уч.-изд. л. 2,25. Тираж 100 экз. Заказ № _____
Издательско-полиграфический центр
Кубанского государственного университета
350040, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149.